

Анри де Ренье

МАРКИЗ Д'АМЕРКЕР

рассказы

IM WERDEN VERLAG
МОСКВА - AUGSBURG 2003

СОДЕРЖАНИЕ

Маркиз д'Амеркер	3
Приключение морское и любовное	6
Письмо г-на де Симандр	10
Необыкновенные обеды	12
Смерть г-на де Нуатр и г-жи де Ферлэнд	17
Поездка на остров Кордик	21
Знак ключа и креста	25
Великолепный дом	29

Текст печатается по изданию: Анри де Ренье. Собрание сочинений в 17 томах. Т.1. Ленинград: Academia, 1925.
Под общей редакцией М. Кузмина, А. Смирнова и Ф. Сологуба, с. 41-142. Перевод Максимилиана Волошина.
OCR: В. Есаулов

© «Im Werden Verlag». Составление и оформление. 2003
<http://www.imwerden.de>
info@imwerden.de

МАРКИЗ Д'АМЕРКЕР

Я не имею намерения писать жизнь маркиза д'Амеркера. Пусть другие работают над осуществлением этого прекрасного плана с терпением и тщательностью бесконечной, я не имею намерения следовать за ними в их осторожных изысканиях, которыми руководит желание осветить, шаг за шагом, существование, замечательное не только своими обстоятельствами, но и посмертным интересом им возбужденным.

Действительно между теми, кто интересуется особенностями и механизмом исторических событий, возник живейший интерес к этой личности. Расследование ведется со многих сторон, и совместные усилия стольких усидчивых изысканий не замедлят, разумеется, осветить загадки судьбы.

Ничто не забывается так быстро, как та слава, какую знал при жизни маркиз д'Амеркер. Будучи в свое время на виду приключениями на войне настолько же, как любовными связями, щегольством и подвигами дерзкого волокиты, он казался предназначенным скорее для досугов рассказчиков, чем для бдений историографов, и не малой неожиданностью было узнать об его участии в наиболее серьезных исторических событиях, и не только о том, что он был в них замешан, но проводил их с начала до конца, правя всеми перипетиями интриг.

Это вступление маркиза д'Амеркера в историю произошло мало-помалу и укрепляется по мере того, как присутствие его оказывается руководством, и он отнимает ложные знаки отличия у известных исторических фигур, ставших апокрифическими, нарочито преувеличенными для мимики, которая ему самому была неприятна, масками, под которыми можно различить тонкую улыбку их таинственного наущателя. Таким образом он оказывается человеком, который руководил своей эпохой. Раскрываются его тайные деяния и кажется, что, в конце концов, есть причины видеть в нем одну из пружин своего времени. В противном же случае он останется образцом исключительных соответствий — столь чудесным образом факты его жизни, как бы сами собою, подходят к тому смыслу и значению, которые им хотят приписать. Вся его жизнь представляет одни поразительные совпадения. Вероятности высятся вокруг него такими лесами, что становятся почти чертежом самой истины.

Я не хочу мешать удивительному преображению памяти того, кто имеет так много прав на мои симпатии. С детства я восхищался маркизом д'Амеркером. Между его семьей и моей существовала связь, и мне доставляет удовольствие видеть, принятым ныне всеми, то мнение, которое разделялось отчасти моими родными. Они часто говорили об этом замечательном человеке, и рассказы о его разнообразных приключениях, которые не замалчивались предо мной, приводили меня в восторг. Интерес, ими возбужденный никогда не изгладился из моей памяти, и глубине именно этого детского очарования впоследствии я был обязан честью посещать героя стольких прекрасных историй.

Маркиз д'Амеркер провел последние двадцать лет своей жизни в глубочайшем уединении, что было достаточно для того, чтобы газеты передавали весть о его смерти без всяких комментариев.

Он покинул страну после блестящей опалы и своего падения. Он странствовал. После наступило забвение. Он оставил по себе кроме того шума, который наделал когда-то таинственный его побег, лишь поверхностную репутацию нескольких военных и любовных подвигов, да воспоминание о некоторых странностях, сохранивших ему смутную известность,

которая и послужила исходной точкой для позднейших изысканий, последовательные открытия которых вознесли его так высоко.

Случилось, что будучи юношей в тот промежуток молчания, который предшествовал смерти маркиза д'Амеркера, я услышал в гостинице далекого и маленького городка это имя, которое для меня было связано с целой интимной легендой. Я навел справки здесь и там и убедился в том, что этот д'Амеркер действительно был никто иной, как знаменитый маркиз, о котором я мечтал в отрочестве. Я сделал попытку его увидеть; он дал мне просимое свидание, на которое я не замедлил явиться. В глубине площади я увидел отель маркиза д'Амеркера. Это было обширное здание, построенное из известняка. Три окна под фронтоном открывались на балкон с выгнутой решеткой, который, с каждой стороны двери, поддерживали барельефные кариатиды; другие окна были закрыты ставнями, окна же нижнего этажа защищены железными решетками. Фронтон и вазы, которые украшали крышу, бросали на фасад, один — косой треугольник, другие — ряд зазубренных теней. Посередине пустынной площади струя фонтана ниспадала в плоский водоем. Собака, спавшая на солнце, ловила на лету муху. Там и здесь слышалось их жужжанье. Несколько сидевших на стене казались в нее врезанными; три слетело с ручки звонка, когда я звонил.

Знойное оцепенение площади дало мне оценить прохладу широких сеней. Штукковые арабски мерцали на стенах, выложенных желтым и зеленым мрамором. Лакей провел меня, хромя, через столовую, в которой еще не был убран обеденный прибор. На серебряной тарелке свертывалась кожура плодов. Вино в стакане граненого хрусталя алило скатерть пурпурной тенью. Чувствовался легкий запах специй, конфет и табаку.

— Г-на маркиза здесь нет, — сказал человек, приподымая портьеру. — Я пойду доложить ему. Он играет в шары.

Я стоял в длинной галерее, застекленные двери которой открывались в сад. С розового куста, оплетавшего стены снаружи, свисало несколько роз. Одна великолепная — пурпурная и торжественная — прижимала к переплетам оконницы нежную плоть своих лепестков, другая белая и маленькая, казалась упоительно блеклой, сквозь зеленоватую воду стекла, через которое были видны два цветника, граничившие плоский бассейн и очерченные полукругом высоких подстриженных буксов. Туда сходились три расходящиеся аллеи, и перспектива их отражалась наоборот в трех больших зеркалах, возвышавшихся в глубине галереи на золотых консолях в рамах резного дерева. Здесь и там на колонках стояли античные бюсты. Крытая gobеленами мебель прислоняла к стенам свои массивные табуреты и монументальные кресла. Посередине стола стояла прекрасная ваза черного с жилками агата, рядом с ней лежал очечник, из которого наполовину были вынуты золотые очки.

Маркиз, говорили мне, по-прежнему подвижен, несмотря на свои восемьдесят лет. Каждый день он играет свою партию в шары. Он прервал ее, чтобы принять меня.

Он шел из глубины средней аллеи, и большой рост его уменьшался тем, что он опирался на палку. Полы тканого шелками плаща били его по щиколоткам. Он подошел к стеклянной двери, и от движения, что он сделал, чтобы растворить ее, засверкали на пальцах камни перстней. Он глядел в мою сторону, не видя меня, благодаря сверканью стекол, о которые стучал золотой набалдашник его трости, что он придерживал локтем.

Входя, он сбросил фетровую шляпу на стул и обнажил маленькую голову с белыми, под гребенку остриженными волосами. Смуглое, оливкового оттенка лицо озарялось очень бледными голубыми глазами. Руки его жили, нервные и сильные, не окоченелые и не худые, не слабые от усталости, не скрюченные от ожесточения, как часто бывают руки стариков.

При моем имени маркиз любезно приветствовал меня:

— Добро пожаловать, — сказал он, — я хорошо знал ваших двоюродных дедов — Адмирала и Посланника.

Говоря это, он взял на столе в агатовой вазе тонкую трубку, набивши ее, закурил, и стал прохаживаться легкими шагами, останавливаясь иногда передо мною. Клубы дыма прерывали его фразы.

— Я как сейчас вижу Адмирала, — говорил он мне, — никакого сходства между ним и его братом ни в росте, ни в сложении. Его фигура поражала. Я служил под начальством обоих, и если в этом есть честь для меня, то потому, что предприятия их требовали и смелости и проницательности. Если они не берегли себя, то они не щадили и других. Их эскадра и их канцелярия — были не легким ремеслом. Я испытал и то и другое и смею уверить, что морская дисциплина была не более строга, чем требовательность дипломата.

«Да, я так и вижу вашего дядю в его зеленом мундире и пунцовых чулках, стоящим на палубе; корабль его оставлял за собою запах пороху и кухни. Марсовой и поваренок там задирали друг друга. Изобилие его обедов равнялось только ярости его абордажей. В трофеях его трезубец Нептуна скрещивался с вилкой Комуса.

«А другой со своей миной священника и липом опрятной старушки. Все средства ему казались годными. Он пользовался всякими уловками. Разве он не возил с собою трех чревовещателей, чтобы безукоризненно имитировать его голос во время тех свиданий, от которых он желал сохранить себе возможность отречься, и где специальный мим изображал его фигуру. Его гардероб состоял из всевозможных маскарадных костюмов; его аптека была составлена из всех ядов и всех косметик; он пользовался ловкостью наемных убийц, искусством акробатов и улыбками женщин.

«В последний раз я встретил их обоих очень старыми, и того и другого, одного в маленьком городке, другого в уединенной деревне. У Адмирала была подагра, а Посланник был глух. Один занимался коллекционированием раковин, другой разводил тюльпаны. У них было очень много прекрасных экземпляров, и каждый год они посылали друг другу какую-нибудь раковину, похожую на тюльпан, или тюльпан, похожий на раковину, и так до тех пор, пока оба они не умерли, не отходя от своих витрин или своих теплиц, и в последний раз скрестили свои руки, которые так грубо и так тонко правили людьми, и последнее движение которых было прилепить этикетку на раковину и поставить номер на луковицу.

— Да, — ответил я, — это были удивительные фигуры, и то, что мы знаем о них, заставляет только пожалеть о том, что они сами ничего не записали из того, что они знали. Почему не рассказали они о всех подробностях своих маневров или о ходах своих интриг.

Маркиз положил на стол потухшую трубку, которая просыпала на мрамор пепел своей маленькой черной урны.

— Фи! — воскликнул он, почти покраснев от гнева, — записывать свою жизнь, ставить самого себя на место случая, который по предназначению копит в памяти людей то, отчего лепится оттиск медали или рельеф саркофага! Да, некоторые совершили ошибку, эту претенциозную непредусмотрительность.

«Описывать свою жизнь, разыскивать последовательность наших поз, мотивы наших поступков, место наших чувств, строение наших мыслей, восстанавливать архитектуру нашей тени! Все имеет значение только в той перспективе, в которой случай располагает осколки, в коих мы переживаем себя. Судьба окутывает себя обстоятельствами, усвоенными ню. Есть некий таинственный отбор между ветхим и вечным в нас самих.

«Прوماхи и неловкости готовят иногда деяния великолепные. Молниеносный удар шпаги, наносящий рану и пронзающий, может иногда требовать совершенно неграциозного напряжения мускулов. Судорожно скорченные на эфесе пальцы направляют молнию лезвия. Все только перспектива, только эпизод. Статуя из тысячи промежуточных жестов воплощает только окончательный.

«Какую ничтожную память сохранили бы вы обо мне, если бы вы узнали все от меня самого! Вы бы может и не удивились вовсе тому, что я — Полидор д'Амеркер, принятый и в постелях принцесс и при дворе королей, носивший и меч и маску, живу здесь в этом доме, старый и одинокий, если бы я вам объяснил почему я здесь. Я разрушил бы несвязанность художественно необходимую.

«Каждый знает мои пять лет заточения в одиночной тюрьме, но никому еще неизвестно, как я попал туда и как я вышел оттуда. Моя опала остается тайной и бегство чудом. Побочных

подробностей факта не существует. В Архивах нет ни одной бумаги, касающейся моего приговора, и ни один из инструментов, послуживших мне для моего побега, найден не был.

«Человек, объясняющий свои поступки, уменьшает себя. Каждый для себя должен сохранить свою тайну. Всякая прекрасная жизнь слагается из отдельных моментов. Каждый бриллиант единственен, и грани его не совпадают ни с чем кроме того сияния, которое получают они.

«Для самого себя, можно еще раз в мечте пережить каждый из прожитых дней; для других же следует являться в своей прерывности. Собственная жизнь не рассказывается, и каждому следует оставить удовольствие вообразить себе ее.

Маркиз ходил взад и вперед по зале. Конец его трости звенел о паркет. Луч солнца переливался в перстнях на его руке. Я глядел на него. Длинный плащ его задевал угол стола и сметал серый пепел, рассыпанный его трубкой, и я думал о его жизни, необычайной изменчивостью своих обстоятельств, балами и сражениями, дуэлями и романами, полной неожиданности и вспышек, ропот и отголоски которой он навсегда затаил в глубине своей памяти.

Таково было мое первое свидание с маркизом д'Амеркером. Он говорил мне именно эти самые слова. С тех пор уже удалось восстановить канву этой жизни, из которой знаменитый маркиз делал такую тайну. Силуэты стали статуей. Несколько анекдотов, приводимых нами здесь, относятся ко времени его юности; маркиз д'Амеркер рассказывал о ней охотно и мало-помалу оставил со мною свою сдержанность. Мое благоразумие никогда не рисковало беспокоить его. Я слушал, не предлагая вопросов. Этою сдержанностью я заслужил его доверие, до того, что он позволил мне списать длинное письмо, где дело шло о нем. Оно рассказывало об одном эпизоде его юности, который нравился ему самому и весьма позабавил меня. Читатель найдет его среди этих историй. За исключением этого, все остальные воспоминания имеют источником наши беседы, во время которых я слышал их рассказанными этим знаменитым рассказчиком.

Я не имею иных претензий кроме точного воспроизведения того характера, который он придал им сам, передаю ли я их содержание, или вкладываю повествование в его собственные уста. Быть может эти краткие истории, события которых показались мне примечательными, послужат, без моего ведома, для заполнения каких-нибудь прорывов в том изучении, которое собирает все, что имеет какое-нибудь отношение к нашему герою.

Сам же я, тем не менее, не очень верю в их подлинность, и предпочитаю видеть в них замысловатые сказки, которыми любил играть стариковский ум, располагая свою прошлую жизнь в орнаментальных перспективах. События, о которых он рассказывает, и черты, которые он приписывает себе, представляют странную смесь выдумки и истины. И то и другое чувствуется в них, и сочетание их не лишено искусства. Я ценю забавность этих приключений, другие быть может откроют в них и смысл и значительность, я же предпочитаю вслушиваться в их интонацию и представлять себе аллегорически человека в маске, играющего на флейте, в сумерках, под арками боскета из остролистника и роз.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ МОРСКОЕ И ЛЮБОВНОЕ

Мое беспокойное детство быстро сменилось трудною юностью, но это можно было простить, так как благодаря ей я семнадцати лет очутился на борту «Несравненного», на котором развеялся флаг вашего дяди Адмирала. Эскадра готовилась уже к отплытию, когда отец привез меня в порт. Из гостиницы я следовал за ним по улицам, и он иногда оглядывался, здесь ли я, потому что боялся какой-нибудь выходки с моей стороны и возможности потерять случай от меня отделаться.

Набережные кишели. Крючники, согнувшись под тяжестью ящиков, проходили, расталкивая толпу. Нас затирали и толкали. Пот струился с загорелых лбов, и слюна пенилась на углах губ. Крепкие бочонки пучились на каменных плитах, рядом с толстыми осевшими мешками. Приходилось прыгать через цепи и путаться в канатах. Длинные сходни, перекинутые с кораблей на землю, гнулись по середине под шагами грузчиков. Корабли переполняли гавань. Там и здесь среди перекрещенных рей вздувался поднятый парус, и мачты еле заметно двигались в синеве неба. Тут было сборище всевозможных кораблей, раскрашенных в красный, в зеленый, в черный цвет, сверкающих лаком, тусклых и стертых. Пузатые борта терлись о подтянутые бока. Одни были сильно вздуты, как кожаные мехи, другие заострялись в веретено; на носках были видны очертания фигур, гримасничали маски, вырисовывались эмблемы. Вырезанное из дерева виднелось лицо богини, лик святой или звериная морда. Рты улыбались свиным рылам, — все вместе было варварски наивно или нелепо. Из трюмов шел запах снеди и аромат пряностей. Острый дух рассолов смешивался с запахом смолы.

Маленькая шлюпка взяла отца, меня и мой багаж, чтобы доставить нас к эскадре, бросившей якорь на рейде. Мы пробирались сквозь безвыходные нагромождения порта; весла ритмично подымали то водоросль, то кожуру плода. Зеленовато-мутная вода, засоренная отбросами, казалась мраморной от маслянистых пятен, и в ней плавали внутренности животных. Мало-помалу дорога стала свободнее, препятствия реже, мы обогнули несколько больших судов со вздутыми бортами. Словно присев, они выплевывали струйки грязной воды через морды своих носов; кухонный дым спиралями подымался вокруг мачт; какой-то юнга, взобравшийся на снасти, кинул в нас гнилым яблоком. Я подобрал его и на гнили плода заметил след зубов, которыми тот сорванец смеялся нам, сидя верхом на рее.

Шлюпка начала слегка покачиваться и миновав мол, мы увидели эскадру; она стояла там в сборе и казалась высокой на голубом море. Четыре корабля, и еще один побольше в стороне. Мы направлялись к «Несравненному». Флаг с гербами развевался на шегле большой мачты. Жерла орудий блестели в пушечных портах. Снасти бросали тонкую тень на гладкую воду; прозвонил колокол.

Гребцы торопились, налегая на весла, немножко пены брызнуло мне на руки. Мы причалили и по веревочной лестнице взобрались на борт. Было как раз время. Якоря подымались на ворот. Готовились к отплытию. Я остался один; мой отец поспешил к Адмиралу. Отход оборвал наше прощание. Начались перекрестные свистки; раздавалась команда через рупор. Натянутые паруса вздулись. Отец мой был уже в шлюпке. Мы приветствовали друг друга издали; больше мы никогда не встречались.

Грубый спор, мой выход с хлопаньем дверью, день гнева, проведенный в блуждании по полям, суровость пейзажа, окружавшего замок, сильный ветер этого жгучего лета, резкость надменной натуры, каприз неуступчивой гордости, все это вместе с оскорблением, полученным от отца, несправедливость и нелепость которого я переживал снова и снова, сделало из меня какого-то иступленного бесноватого, и, набрав полные карманы булыжника, с яростью в голове и в руках, вечером, с методичным бешенством я разбил камнями все стекла на фасаде замка, так что один удар ранил в лоб дворецкого и раздробил бокал, который протягивал ему отец, после чего все дамы вскочили в ужасе из-за стола и убежали.

Садовники нашли меня на другой день в чаще парка, где я просыпал хмель моей дикой выходки.

Эти честные работники, одряхлевшие у нас на службе, не очень были удивлены такой вспышкой. Они увидели в этом, без сомнения, естественное продолжение моих ребяческих проступков — распахнутых мною птичников, истоптанных лужаек, сломанных затворов и однажды варварски срезанных всех лучших роз сада, которые я разбросал по аллеям.

Во время этой выходки мне было семь лет. Воспитание мое с тех пор перешло из рук женщин в руки учителей, которые сменялись каждый месяц нескончаемой вереницей. Я вспоминаю престранные фигуры. Среди них были и толстые, и худые, с большими животами и плоскими спинами, с обликом духовных лиц и с учеными манерами, были истертые лица старых

церковников и глупые физиономии юных мирян, от одних так и несло ризницей, от других библиотекой. Я вспоминаю о них, как о нарушителях моей свободы, и от них всех остались мне кое какие познания в латыни, еще меньше в греческом, никаких — по математике, отрывки из истории, и от одного из них, — к которому я был достаточно расположен, и который где-то кончил свою жизнь поэтом, — точные сведения по мифологии вместе с знанием богов, их знаков отличия и любовных историй.

Мои же — начались рано. Мансарды и житницы были местом моих походов. Моим первым забавам служили матрацы горничных и связки сена пастушек. Мне были знакомы и призывные звонки, прерывавшие любовную игру, и лай собак, смущающий во время объятий. Я обнимал талии служанок и мял деревенские груди. Жеманство камеристок оттеняло наивность крестьянок. Но скоро жаргону одних и деревенскому говору других я стал предпочитать веселых девушек соседнего города. Благодаря одной из них и скандалу оргии, немного шумной, и случилась моя ссора с отцом, из-за его неуместных упреков, последствия которой я мог обдумывать на свободе на борту «Несравненного», под свист свежего ветра, который, вместе с зыбью, неся с открытого моря.

«Несравненный» имел на своем скульптурном носу морскую фигуру, крылатую, покрытую чешуей, позолоченную, а на корме — четырех гениев, поддерживавших, каждый одной рукой, по фонарю с переменным светом и дувших своими золочеными ртами в закрученные раковины.

Разноцветные птицы восточных вод и белые нырки северных морей вились вокруг блуждающих огней нашего корабля.

Голова морского бога отражалась в зеркальных водах и покрывалась брызгами шумных волн. От тропического солнца трескалась ее иссохшая позолота, и луны полярных ночей серебрили ее ледяную улыбку. Она видела недвижными глазами своими выгибы заливов и углы мысов; ее уши внимали безмятежной гармонии прибоя на песчаных отмелях и бушеванию волн у береговых скал.

Разные чужеземные люди подымались на палубу. Мы принимали бородатых людей в одеждах из жирной кожи. Они приносили нам ничего не говоря, рога оленей, моржовые клыки и медвежьи шкуры; желтые и церемонные карлики предлагали нам шелковые коконы, резную слоновую кость, лаковые вещи и вырезанных из нефрита, похожего на лягушечью икру, насекомых и божков; негры протягивали легкие перья, осыпанные золотой пылью, а с одного уединенного острова прибыли к нам женщины с зеленоватой кожей, и они плясали, жонглируя красными губками.

В течение четырех лет я странствовал таким образом по всем морям. Якорь наш впивался в кораллы мадрепор и в граниты рифов. Ветер, вздувавший наши паруса, дышал то запахом солнца, то запахом снега. У всех берегов делали мы запасы пресной воды. Зеленая вода болот, чистая вода каменистых ключей оставляли одна за другой на дне бурдюков свой ил и свой песок.

Я посетил много портов: кишаших под солнцем, вязнувших под дождем, стынувших среди льдов, таких, в которых стоят большие корабли, таких, которые ютят раскрашенные фелуки, и таких, в которых прячутся лишь несколько пирог из коры. Города являлись нам в лучах зари и на закате, то великолепные, то жалкие, громоздившие ступени своих дворцов или прислонявшие к холмам нестройные кучи своих хижин, такие, в которых по ночам слышится гул музыки или в сумерках — песня рыбака, вытаскивающего сети.

Мы приветствовали дожей в мраморных палатах и эскимосов в глиняных юртах. В грязных вертепах мы пресыщались голыми рабынями; в великолепных залах, мы ухаживали за нарядными дамами. Дымные лучины и светлые канделябры озаряли наши сны.

Так я узнал все моря. Мы эскортировали королевских особ и охраняли купеческие корабли. Иногда наши орудия рыкали. Расстилался серный дым, разрываемый золотыми молниями. Я узнал и трепет корабля от пушечных залпов, и сотрясение от ядер, вонзающихся в киль. Порванные паруса повисали на сломанных мачтах. Я видел, как тонули корабли.

Поджигательные снаряды пиратов не уступали железным крючкам корсаров. Но море еще страшнее тех, что кровенят его. Я видел все его лики: детский лик утр, его лицо полудней, струящееся золотом, его вечернюю маску медузы и бесформенные лики ночи. Добродушная его угрюмость сменялась буйством ураганов. Некий бог обитает в его изменчивых водах; иногда он подымается среди хрипа ветра и рокота зыбей, ухватившись за гриву волн и космы водорослей; облик его создается из пены и водяной пыли; его таинственные руки выпускают когти, и стоя во весь рост, с торсом из смерча, в плаще из тумана, с облачным лицом и молнийными глазами, он вздымает свой призрак из валов и шквалов и, неисчислимый, рушась среди чудовищного лая волн, под гиканье пастей, раздираемый когтями, исчезает в грохоте своего падения, чтобы вновь возникнуть из слюны собственного бешенства.

Море было однообразно тихо и зеркально, когда мы вступили в воды острова Леранта. Мы шли издали после долгого плавания по туманным водам. Ледяные глыбы растаяли при нашем приближении к этим теплым областям; небо понемногу разъяснилось, появилось солнце. Пурпурный флаг вился в легком ветерке, фигура на носу отражалась в зеркале непрестанно разбиваемом перед ней быстро несущимся кораблем, который дробил хрусталь, и однажды, на закате дня, вахтенный крикнул: «Земля!»! Берег показался на одно мгновение в зеленом и розовом сиянии, но с наступлением сумерек влажный туман окутал корабль и затянул все море вокруг нас. Мы медленно подвигались по лиловой воде, в мягкой сырости этих воздушных тканей, прозрачных и волнистых.

Лоцман правил осторожно. Причал был опасен, и место знаменито своими кораблекрушениями. Смутные суеверия окружали этот знаменитый и очаровательный остров, божественный и некогда обитаемый сиренами.

Вдруг, взяв на штиль, «Несравненный» замедлил ход и остановился: якорь заел; тонкий паутинный туман, зацепившись за мачты, повис завесами.

Мы были очень близко от невидимого острова. Мало-помалу распространился восхитительный запах деревьев и цветов.

Приказ о том, что никто не должен покидать борта, резко положил пределы нашему любопытству. Никто этой ночью не должен был сходить на землю. Шумы с острова долетали к нам издали, как бы утончившись от мглы.

Мои товарищи ушли один за другим. Огни погасли. Я облокотился на борт, вслушиваясь в неуловимый трепет снастей и в шаги часового, и так стоял в темноте, насторожив ухо. Позже мне показалось, что я слышу музыку. Она упоительно пела там, прерываясь, как бы просачиваясь сквозь поры тумана. Мягкая губчатость ночи заглушала звуки, но, в конце концов, мне удалось различить концерт на флейтах.

Решение мое было принято быстро. Лоцман дал мне указания. Корабль стоял на якоре по середине песчаной бухты в пятистах туазах от берега. Я спустился в свою каюту, привязал на шею маленькую буссоль и прокрался на нос корабля, где была фигура. Быстро раздевшись, в последний раз определил направление и по спущенной веревке беззвучно соскользнул в море.

Вода была теплая и нежная, и плыл я без шума. Скоро корабль исчез из глаз. Вода журчала у ушей. По временам я ложился на спину, чтобы проверить направление. Скоро я услышал шум волны на береговом песке. Туман просветлел и стал прозрачным паром. Я встал на ноги. Плавающие водоросли коснулись моих обнаженных бедер. Запах речных цветов слился с ароматом морских растений. Маленькая роща казалась темным пятном. Она доходила до самого моря, откуда вздымалась белизна мраморной террасы. От нее вела вниз лестница. Со ступеней тихо стекала вода. С каждой стороны стояло по женской статуе; отлив обнажил их бедра и превратил их в сирен. Гладкая чешуя их хвостов была влажной под моими руками. Я приблизился к одной, потом к другой и, приподнявшись, поцеловал каждую в губы. Уста их были свежие и соленые. Я взошел по ступеням. Наверху остановился. Звезда блестела над деревьями; широкие аллеи

открывались в толще их. Я пошел по средней; она вела к площадке, круглой и обрамленной аркадами из бруса, под которыми били, журча, фонтаны.

По середине в большой перламутровой раковине спала женщина. Вода, сбегавшая сзади нее с высокой скалы, роняла брызги на ее грудь и щеки. Она спала, закинув одну руку под голову, вытянувшись в раковине, созданной для ее морского сна. Кругом был ночной полусвет, в котором мерцало ее длинное зеленоватое платье. Она улыбалась во сне. Улыбка ее пробудилась под моим поцелуем. Волнистая раковина была удобна нашим соединенным телам. Я взял ее; вздох приподнял ее грудь, волосы ее распустились и, молча, в прозрачной и пахучей тени, под ропот фонтанов нежданно и длительно мы отдались, — она быть может, нагому образу своей грезы, а я таинственной богине благоуханного острова.

— Кто ты, — сказала она мне совсем тихо, подбирая свои волосы, влажная прядь которых прильнула к ее взволновавшейся груди, — кто же ты, приходящий так таинственно в замкнутые сады пробуждать безмятежно спящих? Откуда пришел ты? У твоих губ соленый вкус моря, а тело твое божественно обнажено. Зачем избрал ты мрак, чтобы явиться? Морские боги давно уже правят островом, пройди же по своим владениям. Я построила этот приют во славу Любви и во славу Моря. С моей террасы он виден весь. Приливы смешивают хлопья своей пены с пухом голубей, живущих на моих деревьях. Ветер, точно прибой, гудит в певучих вершинах. Кажется; что глухие отливающие волны воркуют. Я украсила сады мои раковинами и водометами и воздвигла на ступенях моего порога статуи Сирен, когда-то обитавших в этих местах. Они ли послали тебя ко мне, их сестре, земной, увы? Но зыбь моих грудей согласуется с мерой волн, волны моих волос точно извивы водорослей, и мои ногти похожи на розовые раковины. Я — упоительная и соленая, и это зеленоватое платье так прозрачно, что тело мое сквозит сквозь ткань, точно сквозь воду, которая непрерывно струится по мне. — Она улыбалась, говоря эти речи, потом замолчала и приложила палец к губам.

В то же мгновение флейты запели в иллюминированных боскетах; фонари зажглись на деревьях; послышались шаги и смех.

Мы оба поднялись. Что-то волочилось за моей ступней, и я подобрал длинную водоросль, которой, как поясом, обвил свои бедра. Глубина аллеи осветилась. Факелоносцы, танцуя, освещали путь процессии мужчин и женщин в великолепных костюмах. Шелковые ткани домино вздувались от трепета вееров. Маскарад рассыпался по всему саду. Факелы отражались в фонтанах, и струи воды засверкали, переливаясь брызгами драгоценных камней. Весь лес зазвенел музыкой. Прекрасная нимфа положила мне руку на плечо и, протянувши другую к странной толпе, которая окружила нас, закричала ясным голосом:

— Отдайте честь богу — нашему гостю: он пришел по лестнице Моря к благочестивой куртизанке Сирене из Леранта, которая спала; он поцеловал губы Сирен, что стоят у морских дверей, и уста его тихо сказали мне свое имя. Он наш гость.

И оба, обнявшись, впереди музыкантов общества, которое громко приветствовало нас мы пошли по аллее, в которой пели фонтаны и флейты, ко дворцу сиявшему, как магический подводный грот, где по столам вздымалась пышная пена серебра и где под потолком сталактитами сияли хрустальные люстры; мы вошли и — нагой, серьезный и радостный — я поднес к губам, после того, как она коснулась ее своими, прекрасную золотую чашу, достойную Амура, имевшую форму женской груди.

ПИСЬМО Г-НА ДЕ СИМАНДР

Пользуясь отпуском одного из моих людей, который направляется в ваши края, чтобы написать вам, мой милый кузен, и беру в то же время на себя смелость рекомендовать вам этого бездельника. Это славный парень; вы без сомнения сумеете его использовать. Он умеет

найтись во всех обстоятельствах, у него удивительная выдержка и мне бы хотелось чтобы сын ваш именно в этом походил на него, потому что ваш Полидор будет темой моего письма, так как мое собственное здоровье прекрасно, а годы предохраняют меня от того рода приключений, к которым он более чем склонен

Поэтому о себе я не стану говорить. Меня вы знаете вдоль и поперек, с эфеса до острия, с первой позиции до выпада. Я остаюсь тем же, что прежде, и совершенно не замечал бы течения лет, если бы разница между людьми нашего времени и современною молодежью не заставляла бы меня чувствовать то, что отделяет нас. Наша юность непохожа на ихнюю и старость наша слишком далека от них.

Полидор известил меня о своем прибытии и о намерении приехать сюда речным путем ради приятности дороги и живописности берегов. Медленность барок ему больше нравится, писал он, чем почтовая спешка; плеск весел ему кажется более гармоничным, чем галоп коренника. Это по крайней мере я сумел разобрать в мудреной и лаконичной его записке, которая беспокоила меня духами своих восковых печатей и совсем ошеломила галиматьей своих бессмыслиц, тогда как претенциозные росчерки его почерка меня привели в положительное отчаянье.

Я снял очки и сложил их на стол. Я набил трубку и, ожидая, пока этот волокита спустится по реке и высадится на Понбурской пристани, стал курить, глядя на небо, сквозь стекла моих окон, лаская своего пса и так проводя понемногу время.

Вы тоже могли бы познакомиться и с этим кусочком неба, и с моей собакой Диогеном, и с местами, в которых я обитаю, мой дорогой кузен, если бы вы когда-нибудь решились на то, что предпринял Полидор; но местопребывание моего воеводства и старый замок, в котором я представляю авторитет государя, советчиком фантазии которого вы являетесь, разумеется, не может соблазнить ничем такого интригана, как вы. У вас свой пост при дворе, и вы не станете рисковать упустить просвет какой-нибудь возможности, теряя время на посещение берлоги старого служаки вроде меня. Впрочем, хотя вы и не на много моложе меня, но говорят про вас, что вы более подвижны, потому что реверансы, пируэты и ожидания в приемных калечат меньше, чем конные форпосты. Осады и засады наделали то, что я вот иду уже вспять, а вы все еще движетесь вперед, расфранченный и игривый, нюхая табак из бриллиантовых придворных табакерок, тогда как я достаю свой из глиняных горшков кордегардии, — и вы будете читать сквозь черепаховый лорнет то, что я пишу вам при помощи моих роговых очков.

Несмотря на некоторую дальнзоркость, дорогой кузен, зрение мое еще хорошо, и я люблю глядеть на то, что могу созерцать каждый день. Мне близки те предметы, которые окружают меня. Я знаю своих офицеров и по имени каждого из моих солдат. Я узнаю каждого часового по тому, как он стучит прикладом о старые камни крепостных стен. Окно мое выходит на прямую буковую аллею, по которой я прогуливаюсь; облокотившись на решетку, я вижу отвесную стену; направо и налево толстые башни делают ее еще массивнее своей солидной кладкой. Они поддерживают обширную укрепленную террасу, на которой стоит замок, и воинственный и нарядный, среди деревьев и цветников. Это действительно прекрасное место. Отсюда виден весь город с его домами, глубокими улицами, развернутыми площадями, угловатыми колокольнями и набережной вдоль реки, пересеченной мостом.

Однажды, около четырех часов, когда я смотрел оттуда на фуражиров, возвращавшихся с работы с большими вязанками сена (они смеялись, некоторые жевали стебельки цветов), мне доложили, что прибыли барки.

Они были в завороте реки сзади большого острова, поросшего тополями. Я спустился к пристани, чтобы посмотреть, как они станут причаливать. Они приближались понемногу, лавируя меж песчаных отмелей по намеченному фарватеру. Можно было различить четыре — одну за другой. Все были с белыми собранными парусами; борта были выкрашены в яркие краски. Весла больше не действовали. Лодочки пихались шестами. Наконец, они пристали. Их закрепили у набережной и спустили сходни.

Полидор поднялся с подушек, на которых он лежал на носу ладьи. Легкий тент защищал его от солнца; шелковая ткань была растянута поверх четырех серебряных древков; он приподнял ее край рукою, осыпанной перстнями. Костюм его изумил меня; на нем было широкое разноцветное одеяние, а в петлице у него верещал один из этих пестрых тюльпанов, которых зовут попугаями. Впрочем, сама барка была сплошной птичьей клеткой. Я немного неосторожно, быть может, соскочил на палубу, потому, что клетки переполненные любопытными птицами, всполошились хлопаньем крыльев и криками, а я носком сапога попал в мандолину, которая тоже валялась там. Кучи книг, в которых я запутался, рухнули в воду и погрузились, увлекаемые тяжестью своих переплетов. Голубоватые, темно-красные, зеленые и пурпурные их сафьяны и инкрустированные кожи, казалось, сквозь воду, в которую они погружались, превращались в разноцветных рыб, — зеленоватых мурен и оранжевых карпов. Чтобы завершить смятение, маленькая обезьянка, которой я наступил на хвост, с криком влезла на снасти, и, добравшись до вершины мачты, уселась там и щурила глаза на своем голом лице.

Полидор сделал вид, что он ничего не замечает и усадил меня; он выказал себя более церемонным, чем экспансивным, но проявил утонченнейшую любезность. Он пригласил меня обедать.

Барки зашвартовались в линию, и можно было удобно переходить с одной на другую. Накрытый стол ждал нас на второй. Вечер был прекрасный и теплый, а обед — превосходный. Обезьянка, спустившаяся со своей мачты, прыгала вокруг нас, жонглируя стеклянными шариками, которые разбивались, распространяя приятные ароматы.

В конце обеда, придя в хорошее расположение духа, я стал намекать Полидору, что не сомневаюсь в том, что третья барка ревниво скрывает какую-нибудь прекрасную даму, в которую он влюблен. Он улыбнулся и, взяв меня за руку, попросил следовать за ним. Эта барка была устроена несколькими будуарами и салонами для отдыха. Она была обита драгоценными шелками; хрустальные и бронзовые люстры незаметно покачивались от легкой речной зыби; в середине была зеркальная ротонда.

Предложению моему поселиться в замке Полидор предпочел пребывание на своих барках. Четвертая, в которой я оставил его, состояла из удобных комнат. Я пожелал ему доброй ночи и удалился.

Несколько дней спустя он навестил меня. Он нес под мышкой книгу и зонтик для защиты от солнца. Я показал ему замок. Он живо заинтересовался мхами, покрывавшими старые камни. Мне он показался бледным, и я поставил ему в упрек однообразие его жизни. Мои офицеры, добрые малые, умеющие повеселиться, могли бы его развлечь в его уединении. Он отказался. «Нет, — сказал мне он, — я предпочитаю мой плавучий дом. Река навевает сладкий сон: она баюкает еле слышно, и течение ее так же беззвучно, как течение жизни, и, чувствуешь, она тебя несет и в то же время не уносит течением. Я люблю мое сидячее уединение; я люблю остроконечную и очаровательную тень, которую каждый вечер бросает на воды ваш замок. Сквозь большую арку моста я вижу тополя на острове; здесь так недалеко море, что некоторые чайки залетают даже сюда, я люблю их полет; лет ласточек тоже развлекает меня; летучие мыши чертят свои круги, и моя обезьянка сторожит их по вечерам. Они птицам то же, что она человеку, и подозрительны и близки».

Увидав, что Полидор упорен в своих странностях, я не стал нападать на них и, перестав им заниматься, вернулся к своим делам.

Я собирался сделать объезд в стране. В назначенное утро, вместе со свитой переезжая мост, я увидел Полидора, который кланялся мне со своей барки. Он только что выкупался в реке и стоял еще весь струящийся водой. Голый, он вовсе не был, как я думал, худым и слабым. Солнце сверкало каплями на его белой коже, и он казался в этом ярком утре гибким, нервным, с крепкой кожей и внушительными мускулами. Я ответил ему на поклон; он нырнул и вода брызнула вокруг него.

По моем возвращении я был ошеломлен теми слухами, которые меня встретили. Полидор убил двух человек на дуэли и вел по всей стране необузданную и неожиданную жизнь. Город и

его окрестности шумели молвой, и обычное их спокойствие казалось замороженным. Целый век строгой морали растоплял свою пристойность, как воск, на алтаре дьявола. Веял ветер безумия. Строгие обеды прежних времен превращались в оргии; сдержанные кадрили оканчивались сарабандами; прежние интриги становились скандалами.

Полидор неуклонно вел за собой это безумие, с улыбкой на устах, с розой в петлице. Зараза охватила окрестности. Один за другим, замки, тихие в глубине своих тенистых аллей, оцепеневшие среди своих бассейнов, корректные среди своих парков, осветились иллюминациями.

Распахнулись для танцев залы. Потешные огни заплелись в гирлянды. Праздничные кареты и дорожные коляски встречались посреди дороги, спеша на торжество или на похищение. Начались стройки. Лестница каменщика, прислоненная к стене, оказывала услуги любезнику. Начались маскарады.

Однажды утром, барки, куда шеголи собирались каждое утро получать от Полидора распределение дня, оказались безгласны. Сходни не были спущены; обезьянка больше не влезала гримасничать на мачту. Все казалось погруженным в сон. В полдень никто не вышел. Стали беспокоиться. Эти элегантные господа оживленно переговаривались. Отсутствие Полидора изумляло их менее, чем отсутствие слуг. Наконец, было решено, осмотреть барки. Ко мне обратились за советом, и я отдал приказ. Первая была пуста. В клетках ни одной птицы; порванные струны мандолины и книга, раскрытая на вырванной странице. В столовой опрокинутый стакан оставил красное пятно на скатерти.

Достигли гостиных. Двери заперты. Их взломали. Все толпились, чтобы взглянуть. Мы вошли. Никого. Но в большом будуаре, устроенном ротондой, где все зеркала были разбиты их гневом, нашли одних, с распушенными волосами, склоненными или лежащими совершенно нагими, девять красивейших дам города, из которых каждая без сомнения туда проникла тайно, и они оказались там соединенными по удивительному капризу их единственного, многоликого и менявшего их Любовника.

НЕОБЫКНОВЕННЫЕ ОБЕДЫ

Это были интересные обеды, которые каждую неделю устраивала княгиня де Термиан. Высокая решетка замыкала золочеными копиями вход в ее гордое жилище. Можно было различить издали в глубине аллеи, которая вела к нему, мощные кованые двери, сжатые орнаментальными затворами и надменную высоту главного портала. Чеканные цветы гирляндами заплетали опоры и распускались на фронтоне, с которого, как двойной плод из хрусталя и бронзы, свисали, вздуваясь, два больших фонаря, каждый на конце цепи.

У этой решетки останавливались экипажи гостей. Здесь надо было слезать; ни одно колесо никогда не оставило колеи на песке громадного двора, пустынного как морская отмель, и лишь кое где тронутого точно клочками пены пятнами мха. Низкая дверь одна открывала доступ внутрь. В хорошую погоду приглашенные пешком пересекали песчаную площадь: в другие же дни их ждал портшез носильщиками. Никто и никогда не нарушал этого запрещения. Фасад дворца дремал под запертыми жалюзи. Ласточки острым полетом чертили серую массу здания. Комнаты, в которых жила княгиня, находились с противоположной стороны, окнами в сад, и питали только одно крыло дома, остальная часть которого оставалась пустой. Она жила там очень уединенно, а князь оставался за границей. Мне его показали однажды на Лорданских водах, куда он приезжал лечить водами лимфу, жгучими красными пятнами проступавшую у него на лице. Это был худощавый и невзрачный человечек, странный во всем, нервный, маленького роста, подчеркнутого Орденской лентой, которую он не снимал никогда. Он чувствовал себя хорошо в этом обществе, языка которого он не понимал и где его принимали из уважения к его высокому сану, и прогуливал там свою спесь и свою немочу вплоть до своего возвращения на виллу Терми, откуда он уезжал лишь для своего ежегодного курса лечения да

редких поездок к жене. Каждый раз он проводил у нее по несколько часов. Княгиня принимала его в больших залах дворца, открывавшихся ради этого случая. Всегда он уезжал до наступления ночи. Тогда салоны закрывались снова; развязывались шнуры и падали тяжелые занавеси: портьеры висели тугими привычными складками, гасильник тушил свечи многочисленные слуги, появившиеся для церемониала, тотчас исчезали и возвращались в службы, где они жили, так как для обычных услуг было достаточно нескольких.

Водометы в саду, которые кидали вверх свои радужные ракеты, смолкали, один за другим и на дворе, вместо сверкания ливрей, не было видно никого, кроме старого садовника, подбиравшего лист концом своих грабель или подстригавшего пышные шары карликовых апельсинов, которые поднимались по ступеням подъезда.

В этом то доме, снова становившемся молчаливым после пышности этих приездов и церемониала отъездов, княгиня принимала каждую неделю тех немногих лиц, которые составляли ее интимный круг. Она жила скорее отшельницей, чем одинокой, и не пропускала, во время некоторых больших празднеств, случая показаться во всей изысканности своей красоты, с улыбкой и надменностью, необходимой для предотвращения фамильярностей, снисходя тем не менее к обычаям, которым удовлетворяла честь ее присутствия. Но проходило это снисхождение, и жизнь замыкалась снова. Даже любопытство допустило существование этой таинственности, не делая больше попыток проникнуть ее. Мне говорили о ней в первые времена моего пребывания, и если бы случайность встреч поставила бы меня в сношения сперва исключительно светские, потом дружественные с одним из участников этих таинственных обедов, я бы никогда и не подумал искать чести быть туда допущенным. Друг мой никогда не пропускал ни одного обеда, и ничто разу не могло задержать его.

— В назначенный вечер каждый прибывший, — рассказывал он мне, когда я расспрашивал о ритуале этого необычайного культа, — высадившись около решетки и перейдя через двор, находил в сенях старого лакея, с седыми волосами; каждый получал от него маленький зажженный светильник. Без провожатого он отправлялся один к комнатам княгини. Длинный путь усложнялся скрещенными лестницами и коридорами. Шаги звенели по плитам проходов, по мозаикам галереи, скрипели по паркету больших зал или заглушались коврами в гостиных. Приходилось раздвигать занавеси, распахивать двери, отпирать замки. Свет маленького светильника освещал вереницы статуй и ряды бюстов, мраморные улыбки, строгость бронз, чью-то наготу, чей-то жест. Свет, скользя, выгибал край вазы, будил позолоту кресел, мерцал в хрустале люстры. Пустые коридоры оканчивались пустынными и круглыми сводчатыми залами и, через сотни ступеней, через десятки дверей, посетитель достигал, наконец, комнат княгини де Термиан.

В тот день, когда я должен был быть введенным, я довольно рано зашел к моему другу г-ну д'Орскам. Он устроил так, что я должен был занять за столом княгини то место, которое оставлял свободным его отъезд. Он уезжал на следующий день, и вся передняя была переполнена его сундуками. Конюшни были распахнуты, прислуга распущена, весь отель уже принял необитаемый вид. Я искал д'Орскама во всех этажах и готов уже был спуститься в сад, надеясь встретить его там, когда напев волынки направил меня на самый верх дома. Я поднялся к мансардам и, раскрыв одну дверь, увидел его в маленькой, совершенно пустой комнате. Облокотившись на подоконник, он наигрывал на волынке, позабытой там вероятно кем-нибудь из лакейской. Он не слышал моего приближения и продолжал раздувать толстый мех, из которого он извлекал глухую мелодию. Увидев меня, он выпрямился и швырнул инструмент, который испустил дух с жалобным вздохом.

«Я готовлюсь к путешествию, — сказал он мне; — завтра дорожная карета доведет меня до побережья, корабль перевезет меня через море и я увижу свой старый дом... Никогда, быть может, прибавил он, у меня не хватило бы силы уехать, если бы не эта старая дудка и ее скудная музыка. Я вновь увидел в ней мою страну, ее сероватые и розовые степи, ее леса, ее побережья, танцы на убитом гумне, цвет лица наших девушек и фигуры юношей. Я вдохнул ее запах — сладости и соли, цветов и водорослей, пчел и чаек!.. Раз там — все это покажется мне

нестерпимым. Что сделает из меня скука? Какого-нибудь маниака вроде князя де Термиан. Вы его знаете, вы слышали о его жизни в Терми. Это зловещий город, громадный, с покинутыми дворцами, с полуразрушенными особняками среди зеленоватых болотных садов, с безвыходными переулками, с запахом воды и лихорадки, но ведь это там он находит единственное развлечение, которое забавляет его. Он охотится на кошек. Эти животные кишат там. Их можно видеть всюду: полудикие они бродят по стенам и спят на солнце среди камней. По ночам они дико мячут. Г-н де Термиан перестрелял их тысячи. Он устраивает засады, выслеживает их и кладет на месте. Странное удовольствие. Они, быть может, лишь марионетки какой-нибудь воображаемой трагедии. Малый их рост предохраняет от их свирепости, а судорога их агонии вызывает страшные лики. Кто знает? Вся жизнь необъяснима. Отпечаток оборотной стороны нельзя угадать по лицу медали. В каждом зеркале видно только обратное отражение того, кто смотрит. Что же касается княгини, то что сказать вам? Вы сами узнаете больше и, если вам, как и мне, придется когда-нибудь уехать, вы поймете мою тоску и почему меня охватывает трепет при мысли об этой разлуке, когда я думаю, что не увижу больше решетки, сеней, обширных зал, что больше не буду я держать в руке маленького светильника, от которого моя тень прыгала сбоку. Существуют удивительные вещи, от которых нельзя излечиться никогда. Час приближается. Пойдемте, потому что подобает быть точными».

Мы поставили свои светильники и потушили их.

Пять лиц уже находилось в салоне, куда вышла к нам княгиня. Я склонился к ее руке и поцеловал ее. Затем она взяла меня под руку, и мы прошли к столу, где она сделала мне знак занять место против нее. Д'Орскам сел по правую от нее руку, а остальные приглашенные заняли места по своему усмотрению. Я воспользовался первой минутой молчания, чтобы взглянуть вокруг.

Самый пожилой из общества звался г-н де Берв. Он жил в своем замке в окрестностях города и слыл за ученого, погруженного в герметические науки. Сосед его, имени которого я не знал (его мне назвали позже) был иностранец, уединившийся сюда после долгих морских странствий. Он привез с собою оружия, водоросли и кораллы.

Я знал двух остальных, людей умных и достойных. Последний и самый молодой казался совсем юношей, но лицо его было в странном противоречии с его волосами, седыми преждевременно.

Обед был утончен в смысле мяс, фрукт и вин, украшен роскошью серебряных сервизов и совершенством фаянсов. Прислуживали два старых лакея. Корзина, в которой редкие цветы окружали глыбу льда, распространяла по комнате прохладный аромат, и высокие канделябры из золоченого серебра по одному с каждой стороны стола воздвигали сложную архитектуру своих свеч. Мало-помалу завязался разговор. Каждый из собеседников принял в нем участие с умом и поодушевленной. Княгиня слушала внимательно. Волосы ее, прямо приподнятые надо лбом, лежали тяжелой массой на затылке. Красота лица ее была в его очертаниях, в изгибе носа, в восхитительной линии рта и, главным образом, в удивительных глазах.

Обед кончался, и я заметил, что внимание гостей было устремлено на стенные часы. Маятник качался равномерно; стрелки, соединенные вместе, разъединились, и пробило час

В глубоком молчании, наступившем вокруг этого звука. Последний удар вибрировал долго.

Д'Орскам поднялся, и вместе с ним весь стол. Княгиня, тоже вставшая, была неподвижна со стаканом в руке; я слышал звон ее перстней о хрусталь. Она дрожала. Д'Орскам был страшно бледен. Она поднесла кубок к устам и протянула ему. Он допил его. «Прощайте, сказала ему она, когда он выпил, прощайте же. Вы уезжаете. Так надо. Я не стану вас удерживать. Час пробил; каждый час бьет в свое время. Сохраните на память маленький светильник, который помогал вам добраться до меня. Пусть он бдит у вашего изголовья. Велите, чтобы его положили вместе с вами в могилу. Прощайте. Свет да будет с вами».

Д'Орскам склонился в последний раз перед княгиней, пожал руку каждому из нас и исчез в двери, которая осталась раскрытой. Мы слышали, как он спускался по лестнице, потом звук

разбиваемого стекла, и когда я вышел в свою очередь вместе с молодым человеком с седыми волосами, мы увидели внизу у последней ступени, на камне, на котором иверни их трескали под нашими ногами, осколки маленького стеклянного светильника.

По довольно странному обычаю, в который посвятила меня княгиня, когда я покидал ее, каждый из воскресных гостей должен был посетить ее в один из дней недели. А так как я был последний, то мой черед был назначен на субботу. Д'Орскам в наших беседах об этой необычайной женщине предупредил меня об этом странном ее капризе и о том, каким образом происходили эти свидания. Г-жа де Термиан принимала в сумерках, позже или раньше — соответственно времени года. Она сидела в круглой комнате, освещенной сквозь тусклые оконницы рассеянным светом. Это были долгие часы бесед как бы с живой тенью. Мой друг рассказывал мне со страстью об этих умственных приключениях, которые длились иногда до зари. Себя чувствовали как бы в присутствии таинственного существа, в котором говорил неведомый голос, и тоска о нем оставалась навсегда. Не входя в объяснения о характере этих прорицаний, он дал мне понять, что красота их была выше человеческой и навсегда вязала жаждой слышать их вновь и всегда; приближение и обетование этого скрытого божества заставляло меня с нетерпением ждать часа моего вступления в этот вещей Элевзис.

Поддаваясь в свой черед тому общему обаянию, которое соединило вокруг г-жи де Термиан тех, кого появление ее на пороге влекло в грот ее уединения и ее таинств, я спорил сам с собою об его опасностях. Она казалась мне цветком, распустившимся при входе путей подземных и опасных. Она казалась мне трещиной в запредельное, которая засасывала души, незаметно и яростно, восхитительной колдуньей, которой нельзя заклясть. Я вдыхал провалы магической спирали. Всю неделю я был беспокоен и взволнован. Бессонница меня измучила. Великая усталость пригнетала меня. Наконец жданный день наступил.

С утра я предчувствовал, что он будет бесконечным. Чтобы отвлечься от моих мыслей, я вышел из города и блуждал по полям. Лето кончалось. Я шел вдоль по реке; она текла зеленая и жидкая по длинным склоненным травам; я следовал за ней, она извивалась недалеко от дворца г-жи де Термиан, и мне пришла мысль обойти его вокруг, но, дойдя до конца аллеи, которая ведет к решетке, я остановился и присел на каменный пограничный знак. И мне показалось, что сумерки наступили сразу; старый отель вздымал свою сероватую массу. Я услышал, как я позвонил у решетки: песок большого двора скрипел у меня под ногами. Я себя видел и себя слушал. Никого в сенях. Я зажег маленький светильник, который был оставлен для меня.

Я рассмотрел грани его черного хрусталя алыми жилками. Все двери сами собою раскрывались передо мной; галереи звучали далекими отголосками. Я подошел к комнатам княгини. Я позвал. Пустая гостиная вела к овальной сивиллинской комнате, о которой говорил мне д'Орскам. Я обыскал все до последнего уголка. Старания мои были напрасны. Наступила ночь. Я увидел себя со светильником в руке в зеркале; мне казалось, что я узнаю в этом своем собственном образе кого-то, за кем я должен был следовать, братского руководителя моей грезы. Мы прошли из комнаты в комнату весь гигантский дворец. Я терялся в нем и вновь находил дорогу. Пыль чердаков сменяла известку подвалов. Светильник мой потух. Я блуждал ошупью бесконечные часы. Наконец мрак засерел; белая линия просочилась под одной дверью. Направляясь в ту сторону, я задел ногой о какой-то предмет. Я поднял его. Это было что-то тяжелое и холодное. Коленом я толкнул засов двери, которая раскрылась, и белый свет зари осветил в моих руках мраморную голову статуи.

Она улыбалась и была похожа на г-жу де Термиан. Я глядел на нее и понемногу почувствовал, как она становится легче и тает в моих пальцах, на которых она оставила лишь легкий прах, который был развеян легким ветром...

Я написал г-же де Термиан о том сне, который я видел про нее и который удержал меня спящим до самого утра, против ее дворца. Она никогда не ответила мне на мое письмо, и я не искал случая увидеть ее снова. У меня осталось прекрасное воспоминание о видении ее лица, которое, быть может, было лицом самой Красоты.

СМЕРТЬ Г-НА ДЕ НУАТР И Г-ЖИ ДЕ ФЕРЛЭНД

Пурпур с кровью пышно распутившейся красной розы, казалось, струился за оконницей стеклянной двери. Лепестки трепетали, и типы стебля царапали стекло. На дворе был сильный ветер, и под черным небом омрачались в саду взволнованные воды. Старые деревья качались со стоном; торсы стволов вытягивали ветви и поддерживали трепещущую листву. Дыханье ветра просачивалось сквозь дверные щели, и маркиз, сидя в большом кресле, локоть положив на мраморный стол, медленно курил. Дым от его трубки подымался прямо, пока не попав в струю сквозного ветра не начинал кружиться, расплетая свои кольца в отдельные волокна. Маркиз прикрыл свои колени затканной цветами полою плаща. Сумерки не утишили урагана. Большая роза колебалась, с гневом шевеля своими шипами. Перед окнами носилась взад и вперед маленькая летучая мышь, блуждающая и ошеломленная.

«Для того, чтобы попасть в Окрию, — продолжал г-н д'Амеркер, — надо было взять одну из двух дорог. Морская, кратчайшая, мало привлекала меня. По другой надо было ехать шесть дней верхом. Я остановился на ней. Меня уверили в сносноности гостиниц, и на следующий день на рассвете я уже ехал по равнине. Высокие землисто-желтые холмы вздымались на горизонте; я быстро достиг их. Лошадь моя шла резво и я опустил, ей повод. Большая часть пути прошла без приключений. Ни одной встречи ни в пустых гостиницах, ни на пустынных дорогах. Я приближался, и утром шестого дня мне оставалось только пересечь конец леса. Местность показалась мне необыкновенно дикой. Обвал чудовищных скал громоздил там зазубренные хребты, вздымал косматые лошадиные груди и тянул уродливые лапы. Пятна на камнях подражали крапу на коже, лужи воды светились, как глаза, и бархат мхов был похож на шерсть разных мастей. Желтая почва была промыта водомоинами, и кое где выгибалась каменистыми позвоночниками. Местами ключ — глухой и тихий. Красноватая хвоя сосен шерстила землю рыжим руном.

По выходе из леса, внизу раскрывалась сухая равнина, покрытая буграми и кустарниками. Я остановился на мгновение, чтобы посмотреть на ее однообразное пространство, замкнутое скалистым гребнем, за которым находилась Окрия. Я уже был готов продолжать путь, когда услышал сзади галоп, и всадник на темно-рыжей лошади нагнал меня и раскланялся. Охотничий костюм рыжей кожи преувеличивал его сложение-среднее, как и его рост. Темные его волосы кое где светлели красно-бурым отливом, а остроконечная борода слегка рыжела. Солнце, стоявшее уже на закате, обливало его темно-красным светом, и цвет всей фигуры его вязался с охрой далее и с золотом окружающей листвы; он казался измученным долгой скачкой; мы спустились конь о конь по довольно крутой дороге.

Узнавши, что я еду в Окрию, он, сам тоже направляясь туда, предложил мне провести меня кратчайшим путем. День погасал. Теперь мы следовали вдоль оголенных изгородей, ограждавших бесплодые каменистых полей. На одном перекрестке мы встретили стадо коз. Они щипали сухую траву. Бороды их торчали клином, под стук маленьких копыт болталось дряблое вымя. Посреди них выступал козел со скрученными рогами, непристойный, высокомерный и вонючий.

— Ну право же у него вид старого сатира, — сказал мне мой спутник с коротким, дребезжащим смехом. Он остановился и разглядывал животное, которое с любопытством смотрело на него.

Солнце садилось. Бледно-золотой свет окрашивал предметы. Земля, которую мы попирали, была горклой и желчной, а сзади нас дикая гора высила свои громады исчервленной охры. Мой собеседник продолжал:

— Да, эта земля полна таинственности, и здесь происходят вещи поразительные; исчезнувшие породы возрождаются; доказательства уже почти в моих руках, и я подстерегаю лишь несомненность.

Он осторожно достал из своей сумки ком желтоватой земли и протянул мне. Глина слегка осыпалась в моей руке.

— Видите вы след, — и он указал мне на стертый почти знак, — это след фавна. У меня есть также указания на присутствие кентавра. Я несколько ночей сидел в засаде чтобы его застигнуть. Его не видно, но слышно как он ржет. Должно быть, он молод, у него узкая грудь и еще неуклюжий зад. При луне он приходит глядеться в водоемы и больше не узнает себя. Он последний в своей породе, или скорее вновь ее начинает. Она была истреблена и гонима так же, как порода нимф и сатиров, ибо они существовали. Рассказывают, что пастухи некогда застigli одного спящего кентавра и привели его к проконсулу Сулле. Переводчики спрашивали его на всех известных языках. Он отвечал лишь криком, похожим и на бляенье и на ржанье. Его отпустили, ибо люди того времени еще немного знали истины, после померкшие. Но все, что существовало, может возродиться. Эта земля благоприятна для сказочных свершений. У сухой травы цвет руна; голос ключей лепечет двусмысленно; но скалы эти похожи на недосозданных животных. Человек и зверь живут достаточно близко, чтобы между ними могло возникнуть кровосмешительство. Время разъяло формы, некогда сочетавшиеся. Человек уединился от всего, что его окружает, и замкнулся в свое бессильное одиночество. Думая совершенствовать себя, он пошел назад.

Боги меняли некогда облик по своему выбору, и принимали тело своих страстей — орлов или быков! Существа промежуточные вместе с богами разделяли это свойство; оно дремлет в нас; наша похоть создает в нас внезапно возникающего сатира; почему же не воплощаемся мы в страсти, которые вздымают нас на дыбы! Надо стать тем, что мы есть; надо, чтобы природа восполнилась и вновь обрела утраченные состояния.

Мой спутник не переставал говорить с лихорадочным увлечением. Я следил с трудом за его речью, которую он продолжал, казалось, не обращая внимания на мое присутствие. Солнце между тем село и, по мере того, и как сумрак сгущался, его необычайная фигура точно угасала мало-помалу; он терял рыжий блеск, которым свет этого заката питал его одежду из темно-красной кожи, его бороду и волосы. Весь его внешний облик потемнел; потом и возбуждение его стихло вместе с переменной пейзажа. Скоро мы увидели мерцание воды в реке.

Распространяемая ею влажность делала берега зелеными. Мост переступал ее своими арками. Ночь спускалась быстро. Мой спутник не говорил больше, и я видел рядом его черный облик, выступавший на окрестном мраке. Доехав до конца моста, булыжники которого гулко звенели под копытами, он круто остановился перед фонарем, висевшим на столбе. Глядя на него, я себя спрашивал, неужели этот человек, протягивающий мне руку, и есть мой недавний странный собеседник. Его лицо казалось мне иным, его темные волосы и борода больше не золотились. Он вырисовывался стройный и изящный, и с вежливой улыбкой, расставаясь со мной, он сказал свое имя на случай если во время моего пребывания в Окрии, мне будет угодно посетить Адальберта де Нуатр».

Первым лицом, которое посетил в Окрии г-н д'Амеркер, вовсе не был г-н де Нуатр. Даже воспоминание о необычайном этом спутнике стерлось несколько в его душе; он не пытался его разыскать и прекрасно обошелся без встречи с ним. Он не видел его ни на прогулках, ни в тавернах, ни у куртизанок, которых он посещал часто, потому что доступ к ним открывается быстро для человека с его именем, обладающего хорошими лошадьми, бельем и драгоценностями. Две из самых блестящих даже оспаривали его друг у друга с ожесточением. Одна была брюнеткой и отбила его у другой, которая была белокурой, но та, в свою очередь, отняла его, хотя он предпочел бы удовлетворять их обеих по очереди, чем выбирать между ними. Любовь к кутежам и игре быстро связала его с несколькими самыми элегантными молодыми людьми в городе. Его скоро стали приглашать на все увеселения. Он там понравился, а так как старики любят принимать участие в бесчинствах молодежи, то он познакомился через посредство всеми любимых наслаждений со многими серьезными особами, доступ к которым без этого был бы для него труден.

Эти сношения поставили его на равную ногу с лучшим обществом Окрии. Встречая его так часто у своих любовниц, эти господа, в конце концов, ввели его к своим женам, и г-н д'Амеркер скоро ознакомился с большими молчаливыми отелями в глубине мощеных дворов. Он сидел за роскошными обедами, пробовал блюда искусных кухней, смаковал вина вековых погребов и видел под хрустальными люстрами торжественное следование местных сановников и красавиц.

Среди всех одна особенно привлекала его. Ее звали г-жа де Ферлэнд. Она была стройная и рыжая. Тело ее, продолговатое и гибкое, поддерживало языческую голову, увенчанную волосами, волнистые струи которых кончались завитками. Пламенная масса этих волос казалась и текучей и чеканной, в ней была дерзость шлема и грация фонтана. Это шло к ее виду и осанке Нимфы-воительницы. Она была вдова и жила в старом отеле посреди прекрасных садов. Г-н д'Амеркер быстро стал там постоянным гостем, проводил там целые дни, приходя во все часы, тщетно дожидаясь часа любовных свершений. Эта целомудренная Диана любила убирать свою красоту складками туник и лунным серпом, так что имя, которое носила она, было ею заслужено. Она любила незримые мелодии, любовный сумрак и журчанье воды. Три фонтана журчали гармонично и ясно среди залы из зелени. В саду был также маленький грот, куда г-жа де Ферлэнд приходила часто отдыхать. Свисающий плющ смягчал там свет; стоял зеленоватый и прозрачный полумрак.

Это там она заговорила в первый раз с г-ном д'Амеркером о г-не де Нуатре. Она описывала его, как человека со странностями, но начитанного и очаровательного, с громадным запасом знаний и утонченным вкусом. Впрочем, он жил очень уединенно, часто уезжал путешествовать и был большим любителем книг, медалей и камней.

Г-н д'Амеркер, не входя в подробности своей встречи с г-ном де Нуатром, рассказал о ней, как о случае, когда он выказал себя очень обязательным, и принял предложение г-жи де Ферлэнд, отправиться к нему вместе, — он, чтобы поблагодарить своего дорожного спутника, она, чтобы навестить друга, который с некоторого времени забыл ее. Итак, в назначенный день они отправились к г-ну Нуатру.

Уже при входе, посредине сеней, бросалась в глаза античная бронза, изображавшая Кентавра. Мускулы пружились на его широкой лошадиной груди; круглый круп сиял; бока, казалось, трепетали; поднятое копыто застыло, а конное чудовище подымало нервной рукой сосновую шишку из оникса над головой, увенчанной виноградными гроздьями. Повсюду, куда ни водил их хозяин, г-н д'Амеркер дивился исключительному подбору вещей, относившихся к истории полубогов земных и морских и к магической мифологии древности. Терракоты являли их изображения, барельефы возывали сказания о них, медали напоминали об их культах. Гарпии с острыми когтями, Сирены крылатые или рыбоподобные, кривоногие Эмпузы, Тритоны и Кентавры, — каждый имел там свою статуэтку или статую. Библиотеки содержали тексты об их происхождении, об их жизни, об их природе. Трактаты рассуждали об их видах и формах, перечисляя все роды Сатиров, Сильванов и Фавнов, и один из них, крайне редкий, который г-н де Нуатр показывал не без гордости, содержал в себе описание Паппосилена — чудовища ужасного и целиком обросшего шерстью. Тетради в удивительных переплетах сохраняли рецепты фессалийских зелий, посредством которых колдуньи Лукиана и Апулея превращали человека в сову или оборачивали в осла. Г-н де Нуатр с удивительным радушием показывал посетителям свой кабинет. Иногда легкая улыбка кривила его рот. В его глазах, очень черных, моментами мерцали медные блестки, и в его бороде переплетались три золотых волоска. Прощаясь он сжал руки г-же де Ферлэнд в своих пальцах с острыми ногтями, и, пока он глядел на нее, г-н д'Амеркер увидал, как металлические блестки множатся в его глазах, которые пожелтели каким-то беглым блеском, страстным, неукротимым и почти тотчас же потухшим.

Первый этот визит не остался последним; г-н д'Амеркер еще часто видал мраморные сени, где шел, подняв копыто над своим мраморным пьедесталом, бронзовый кентавр, с шишкой из оникса, сиявшей в его руке. Г-н де Нуатр никогда не давал никаких объяснений относительно происхождения и цели этих необычайных коллекций, собранных в его доме. Он не говорил о

них иначе, как для того, чтобы отметить редкость книги или красоту предмета. Больше ничего, и никакого намека на обстоятельства их первой встречи. Его сдержанность вызывала подобную же со стороны г-на д'Амеркера. Такие отношения церемонной дружбы охраняли секрет одного, не допуская любопытства другого, и оба, казалось, были согласны выказывать обоюдное забвение.

«Г-жа де Ферлэнд была в тревоге уже несколько дней, когда она попросила меня зайти к ней. Я поспешил на ее зов и нашел ее нервной и озабоченной. На мои настояния поведать мне причину ее смуты, она отвечала уклончиво, но кончила признаниями в том, что она живет в странном ужасе. Она рассказала мне; что каждую ночь собаки завывают, но не столько от гнева, сколько от страха. Садовники открыли на песке аллей следы шагов. Трава, истоптанная то здесь, то там, обличала чье-то ночное присутствие, и к моему великому изумлению она показала мне комок глины, на котором был виден странный отпечаток. Это был беглый, но достаточно отчетливый след. Разглядев ближе отвердевший знак, я заметил несколько желтых волосков, засохших в глине. Незримый вор, очевидно, посещал сад и следил за домом. Напрасно ставили капканы и пробовали устраивать ночные обходы. Несмотря ни на что, г-жа де Ферлэнд не могла в себе победить непреодолимого ужаса. Я успокоил, как мог, милую трусиху, и, покидая ее, обещал вернуться на следующий день.

Это был день конца осени; раньше шел дождь. Улицы оставались грязными; в сумерках осыпались желтые и красные деревья. Большая решетка отеля оставалась открытой, привратник дремал в своей каморке. Я вошел в переднюю и ждал лакея, который бы мог доложить госпоже де Ферлэнд обо мне. Ее комната, выходящая в сад, была в конце галереи. Я подождал еще. Ничто не шевелилось в обширном и безмолвном доме. Никто не приходил, и время шло. Слабый шум достиг моего уха: я стал слушать внимательнее, и мне послышались заглушенные вздохи, после — падение опрокинутой мебели. Я колебался, все стихло. Вдруг раздирающий крик вырвался из комнаты г-жи де Ферлэнд. Я перебежал галерею и толкнул дверь, которая распахнулась настежь. Было уже темно, что я увидел. Г-жа де Ферлэнд лежала полуобнаженная на полу, ее волосы разлились длинной лужей золота, и, склонившись над ее грудью, какое-то косматое животное, бесформенное и брыкающееся, сжимало ее и впивалось ей в губы.

При моем приближении эта глыба желтой шерсти отскочила назад. Я услышал скрип его зубов, а его копыта скользили по паркету. Запах кожи и рога смешивался с нежными духами комнаты. Со шпагой в руке я ринулся на чудовище; оно носилось кругами, опрокидывая мебель, царапая обивки, избегая моих преследований с невероятной ловкостью; я старался загнать его в угол. Наконец, я пронзил его в живот; кровь брызнула мне на руку, зверь кинулся в темный угол и вдруг, неожиданно, толчком опрокинул меня, вскочил на открытое окно, и в звоне разбитых стекол, соскочил в сад. Я приблизился к г-же де Ферлэнд; теплая кровь текла из ее разорванного горла. Я приподнял ее руку. Она упала. Я прислушался к ее сердцу. Оно не билось. Тогда я почувствовал себя охваченным паническим ужасом, я бежал. Передняя оставалась пустой, дом казался таинственно покинутым. Я снова прошел мимо спящего привратника. Он храпел с открытым ртом, недвижимый, в какой-то летаргии, которая показалась мне подозрительной, точно так же, как и отсутствие всех слуг в этом уединенном отеле, в котором г-жа де Ферлэнд, казалось, предчувствовала какую-то скотскую западню, которая готовилась вокруг ее красоты.

Была ночь; я бродил по улицам в невыразимом смятении. Начался дождь. Так длилось долго. Я все шел, сам не зная куда, когда, подняв глаза, я узнал дом г-на де Нуатра. Я знал, что он друг начальника полиции, и мне пришла мысль посоветоваться с ним и в то же время сообщить ему о трагическом событии этого страшного вечера. К тому же этот отель, так неожиданно пустынный, мое присутствие на месте преступления, все это создавало против меня, благодаря связи необъяснимых фактов, чудовищное подозрение, которое необходимо было предупредить безотложно.

Я позвонил. Слуга мне сказал, что г-н де Нуатр в своей комнате, которую он не покидает уже несколько недель. Я быстро взбежал по лестнице. Часы пробили одиннадцать, я постучался и, не дожидаясь, открыл дверь и остановился на пороге; сумрак наполнял обширную комнату. Окно должно было быть открыто, потому что я слышал, как стучал дождь снаружи по мостовой пустынной улицы, на которую выходил задний фасад дома. Я позвал г-на де Нуатра. Ответа не было. Я ошупью подвигался в темноте. Немного угольков тлело в камине. Я зажег об них факел, который нащупал рукой на консоли. Пламя затрещало. Распростертое на паркете ничком, лежало тело. Я повернул его на половину и узнал г-на де Нуатра. Широко раскрытые его глаза глядели, стеклянные, из агатовых вывороченных век. На углах его губ пенилась алая слюна. Его рука запачкала мою кровью, когда я коснулся ее; я откинул черный плащ, в который был завернут труп. В животе у него была глубокая рана, нанесенная шпагой. Я не испытывал никакого страха. Нестерпимое любопытство овладело мною. Внимательно я осмотрел ее вокруг. В комнате все было в порядке. Кровать раскрывала свои белые простыни. На паркете из косоугольников светлого дерева рисовались грязные следы; они шли от окна к тому месту, где лежал г-н де Нуатр. Странный запах кожи и рога осквернял воздух. Огонь затрещал. Две рядом лежащие головни вспыхнули, и я увидел тогда, что несчастный упал ногами в камин, и что пламя сожгло его башмаки и обуглило тело.

Эта двойная смерть взволновала Окрию. Меня призывали в высший суд и, после показаний, мной данных, меня больше не тревожили.

Связь между этими трагическими фактами навсегда осталась сомнительной и не установленной. Так как г-жа де Ферлэнд не оставила наследников, то все имущество ее перешло к бедным, вместе с тем, что г-н де Нуатр, тоже бездетный, оставил ей по завещанию, в котором он отказал мне, в память о нем, бронзового кентавра, украшавшего сени его дома, который держал в руке шишку из оникса».

Лакей вошел, хромая, и одну за другой зажег свечи в подсвечниках и большой канделябр, который он поставил на стол. Потом он растворил застекленные двери, чтобы закрепить наружные ставни. Ветер все продолжался. Снаружи доносился запах роз и букса, и, привлеченная светом, маленькая летучая мышь носилась по обширной комнате. Она блуждала под потолком, точно она хотела нам начертить круг, без конца возобновляемый, но каждый раз прерывавшийся резкими зазубринами. Ее нежные крылья быстро бились. Маркиз сидел, завернувшись в свой широкий плащ из шелка, затканного узорами, и мы глядели на быстрое животное, которое с терпеливым ожесточением исполняло свое таинственное дело, прерываемое петлями его спешки, и путалось в обманном извилине и в безвыходных сетях своего полета, который чертил воздух магическими росчерками своего прерывного заклятия.

ПОЕЗДКА НА ОСТРОВ КОРДИК

С шумом захлопнутая дверь пробудила эхо, дремавшее в глубине длинной галереи между двух кариатид, что стояли в конце ее. Каменные бедра поддерживали их торсы из бледного мрамора, отливавшие вечной испариной, и сплетения их поднятых рук подпирали высокий золотой потолок. Мозаика пола мерцала, и я шел медленными шагами в гулкой пустоте этого места, размышляя о том, что душа государя была скользкой и опасной, как эти плиты, и так же испещрена странными фигурами и переплетенными арабесками.

Несогласие, возникшее между его высочеством и мною, тревожило меня. Мое упорство столкнулось с его капризом. Целый час он силился побороть то, что он называл моим упрямством. Я снова видел его в обширном кабинете, наполненном оружием и куклами, так как он увлекался стальными лезвиями и любил играть уродцами; он был знатоком мечей и

марионеток; он имел пристрастие к доспехам на стенах и к чучелам, он собрал целую коллекцию одних и большое собрание других; но в глубине души оружие занимало его меньше, чем марионетки. Их лица из раскрашенного воска, их тряпичное тело, руки из гибких прутьев были удобны для игры в гримировку, в наряды и позы, для переодеваний в различные костюмы и мундиры, и маленький рост их служил государю для опытов в миниатюре; по ним он регламентировал затем форменную одежду солдат, ливреи лакеев и даже дамские туалеты; он считал себя в этом весьма искусным, и сам заимствовал иногда кое что от своих кукол, не столько ради развлечения, сколько с тайной надеждой вызвать удивление грациозностью своих переодеваний и изяществом маскарадов.

Я снова видел его, окруженным своими куклами и настаивающим с упорством маниака, соединенным с опытностью дипломата на том к чему он желал склонить меня. Временами он останавливался перед зеркалом, чтобы оправиться, и я видел отражение его беловатого лица и большого носа; полы кафтана задевали его но ногам, и он возвращался ко мне, желая, в конце концов, больше настоять на своем, чем убедить меня в правоте своего мнения. Характер государя был мне достаточно известен, чтобы в обыкновенных случаях, с помощью какой-нибудь увертки, ускользнуть от насилий его фантазии и от западней его настроений, но на этот раз гнев делал его ясновидящим, и ничто не могло отклонить его от задуманного предприятия, ничто, даже смешные стороны, на которые я указывал ему, доведенный до крайности, рискуя этим вызвать опасную вспышку его тщеславия. Все было напрасно, и по легкому дрожанию его и по нехорошему свету его желтых глаз я понял, что кривые пути привели меня к тому перекрестку, откуда расходятся дороги, что легко могут оказаться дорогами опалы.

Я вернулся домой, чтобы размыслить о трудности моего положения, и все еще искал средства выйти из неприятного осложнения, когда, на другой день утром, мне принесли эстафету. Его высочество приказал мне собраться, не медля, на остров Кордик, оставить карету на берегу и переправиться одному, чтобы явиться в известное место, где я найду его инструкции. Поборов свою тревогу, я решил счесть за доброе предзнаменование тот оборот, который принимали события. Высочайший гнев казался мне слабеющим и я возымел надежду ускользнуть от последствий, опасаться которых заставляла меня одну минуту его чрезмерность; скучное путешествие и в конце какое-нибудь дурачество, которому я охотно подчинюсь, представлялись мне возможным исходом. Часто подобные приключения разрешались таким образом, и на ухо сообщались случаи, когда очень важные особы должны были претерпеть, как наказание злостные буффонады государя-маниака, забавная злопамятность которого удовлетворялась посмеянием или досаждением, и я решил охотно прибавить за свой счет еще лишний рассказ к легендам, делавшим из нашего странного господина тему для сочинителей романов и рассказчиков новостей. Во всяком случае он принадлежал гораздо больше анекдоту, чем истории. Его маленький двор был удивителен. Падения там были похожи на кувыркания, акробатничество честолюбий соседило с пируэтами тщеславий.

Тяжелые лошади с заплетенными хвостами били копытами о мостовую. Кучер подбоченился на своих козлах; я сел, дверца хлопнула, колеса завертелись, карета миновала ограду. Дворец высился в глубине большой площади, сероватый в утреннем сумраке. Почетный двор был пуст. За стеклом одного окна в северном крыле, где находились личные апартаменты государя, я заметил его, наблюдавшего за моим отъездом, приподняв рукой занавеску, которую он опустил, когда я проезжал.

Дорога мчалась, дерево за деревом, межа за междой, город за городом. Почтовые станции чередовались с гостиницами; звенели сводчатые мосты; подъемы замедляли лошадей, которые рвались на спусках; паром перевез меня через реку.

Я никогда не посещал острова Кордика. Опасный морской пролив отделял от побережья его рыбацкий порт и его невозделанные земли... К утру третьего дня я почувствовал близость моря. Деревья росли кривые, малорослые, узлистые, как бы для того, чтобы лучше противится своими карликовыми мускулами натискам ветра. Воздух свежел. На одном повороте я увидел

воды. Они простирались, нежно-серые под бледным небом. Вскоре дорога свернула на узкий полуостров, каменистый и песчаный, лишенный всякой растительности вплоть до смиренной деревушки на его оконечности... Карета остановилась, я слез. Море шумело предо мною на маленькой отмели, по которой мягко отпечатывались следы. Несколько лодок стояло в бухте; одна из них согласилась перевезти меня на остров: я отплыл, взяв с собой дождевой плащ и глядел, как уменьшается мало-помалу на берегу моя карета, неподвижная, с толстым кучером в зеленой ливрее, со своими расписными дверцами и лошадьми в яблоках.

Лодка медленно покачивалась; вода вокруг нее становилась синей под ясным небом. Волны вздували свои зеленоватые округлости иногда одна разверзалась пеной, большинство же выгибало свои спины не приметными хребтами. Глубокое внутреннее движение воодушевляло их, мачта скрипела. Якорь, еще струясь той глубиной, откуда его вытащили, сжимал свои крабьи клешни; он лежал, на палубе, ракообразный и шершавый; кружили чайки. Наконец, появился на горизонте берег, сперва низкий, и стал расти мало-помалу. Он выходил из моря по мере того как мы приближались; скоро мы увидели его высокие туманные скалы; они рисовались все четче. Мы плыли, вблизи острова; обогнув каменный мыс, мы увидели порт. Очувшившись на берегу, я направился на поиски гостиницы, а затем пошел бродить вдоль моря. Отлив обнажил дно бухты; водоросли сочились между плит набережной, они свисали, липкие и лоснящиеся. Дети играли катая валуны по плитам. Курил, чиня парус старый рыбак.

Мне захотелось взобраться на прибрежный утес, куда вела тропинка, обрывистая и поросшая травой. Мех рыжих вересков покрывал его спину; оголенные его бедра отвесно падали в море. Терпкий зной накалял камень. С конечной точки моего пути раскрывался вид на часть острова. Она была продолговата, лишена деревьев, ужасала пустынностью своих мхов на шерсть, из под которых проступали лбы камней — костяк ее бурой наготы.

Солнце село, багрянея, весь остров стал сиреневым, как бы обветшав во внезапной осени сумерек. Но морю скользили кое где возвращающиеся лодки. Землисто-желтые паруса были похожи на увядшие листья — единственные, которые ветер носил вокруг этого острова, лишенного деревьев, где я невольно спрашивал себя, с какой, собственно, целью отправил меня государь, и где, благодаря скуке, которую я уже начал испытывать, раздражение его для меня обращалось в мщение.

Паруса цвета охры все еще скитались по лиловатому морю. Геральдические облака покрывали гербами небо; баркасы вошли в порт во время, когда я спустился; гостиница моя выходила на набережную, и вечером, поднявшись в свою комнату, я слышал, как они, пленные в гавани, глухо жаловались и терлись канатами своих якорей.

Когда я проснулся на следующий день, небо было серо и плотно; резкий ветер вытягивал бегущие облака; зеленоватое море белело пеной, натиск волн тревожил скалы. Я взял проводника, чтобы он довел меня до указанного места, где должна была разрешиться загадка моего путешествия.

Место это было — каменный стол, расположенный на южной оконечности острова. Мы пересекали нескончаемые верески; паслись стада черных баранов. Каждый из них был привязан веревкой к колу, чтобы стада не перепутались. Они спокойно жевали. Приближение наше пугало их. И они, как бы охваченные безумием, начинали кружиться вокруг своих кольев, и на этой дикой равнине эти бараны колдуны, казалось, чертили зловещие круги.

Я расспрашивал человека, который меня вел. Он рассказал мне о страшных зимах на острове, об ураганах, кидающихся приступом на берега, о распахивающихся дверях, об опрокинутых домах, о жителях, принужденных ползать от силы ветра, обо всем этом несчастном Зверином племени, защищающемся от непогоды скотскими позами и шерстяными одеждами. Мы все шли; ветер крепчал по мере того, как местность повышалась. Чувствовалась его хватка. Его угрюмость переходила в грубость; коварные нападения обманывали; даже его исчезновение сбивало с толку. Мы были теперь на плоскогорье, отвесно рухнувшем в море глыбами, снизу

штурмуемыми приливом. Это был вопль, один несвязный, другой застывший. Клочья пены пролетали над головой.

Высокий каменный стол подымался в этом месте. Там под осколком скалы я нашел, как меня и предупредили, высочайший приказ; прочел, ошеломленный, что в том случае, если стану упорствовать, изгнание в этой суровой земле вразумит меня. Надо было выбирать на месте. Жестокость этого приговора показала мне всю его серьезность. Ожидаемое качество принимало трагическую личину, опыт в желтых глазах мне не солгал.

Я поглядел вокруг. С самого горизонта устремлялись огромные взводни. Их сила взрывалась белыми пенами, угрюмые скалы отражали свирепый прибой. Их зевы и крупы противились натиску валов, изрыгая пену и струясь влагой. Ветер свистел в жестких травах, гордость моя возмутилась; смятение моря вошло в мою душу; я блуждал в течение всего дня. Я слишком хорошо знал полицию его высочества, чтобы мечтать о побеге. Жребий казался неотвратимым. Я понял ошибку своей дерзости. Воспротивившись капризу маниака, задел тщеславие деспота, и в опасном манекене, слишком часто служившем мне предметом забавы, моя бравада пробудила наследственную злопамятность потомка древней расы, семена которой пребывали скрытые в душе этого странного высочества. Я забыл, что в том кабинете, где были собраны куклы и оружие, одиноко, в стороне, под золотым орлом с развернутыми крыльями, рука Справедливости из пожелтевшей слоновой кости сжимала на стене свой грубый кулак, кулак предка — основателя династии.

Я ходил весь день. Я спускался к маленьким отмелям, выщербленным среди яростных скал. Песок там был розовый, синеватый и серый, иногда почти красный, я открывал гроты, зеленовато-золотистые, полные кругляков, водорослей и раковин, со сталактитами, которые делали их похожими на внутренность фантастических карет. Вся моя жизнь припомнилась мне со всеми ее празднествами, маскарадами и наслаждениями. Я слышал смех женщин. Обнаженные, одна за другой, вставали они из моря. Я понял тогда обаяние любви и радость красоты... Я чувствовал себя к ним влекомым всеми силами моей юности, которую нежданный приказ неволил к внезапному выбору между гордостью и вожделением. Я возвратился в маленький порт. Вечер был печален.

Снова я видел черных баранов, кружащихся около своих кольев; мне казалось, что они чертят вокруг меня магические крути, как если бы они заговаривали мою судьбу зловещими знаками своего головокружительного плена. Пленные баркасы тоже стонали на якорях. Они не могли выйти сегодня в море. Моряки, собравшиеся без дела на набережной, спали или играли в кости. Один из них, очень старый, долго глядел, как я хожу взад и вперед, после отвернулся с презрением и плюнул на землю.

Он угадывал, быть может, низость моего тайного упадка сил; страх изгнания сломил мою гордость; вожделения моей молодости влекли меня вдаль от ужасного острова, ни смысла которого я не понял, ни горького величия которого я не почувствовал. На следующий день я уже был на материке. Лошади в яблоках взвивались в моей упряжке, кучер в зеленой ливрее хлестал их лоснящиеся крупы, заплетенные хвосты отгоняли мух, в расписных дверцах отражалась дорога, дерево за деревом; решетка моего дома растворилась передо мною. Мозаики галереи переплетали под моими ногами свои фигуры и арабески, и, в обширном государевом кабинете, переполненном куклами и мечами, против древнего кулака из слоновой кости, чью тяжесть я испытал на своем плече, перед этим насмешливым и смягчившимся фантошем, расставившим свои тощие ноги и распускавшим павлиний хвост своего мундира в круглых бриллиантовых звездах, я склонился в знак моей покорности, к руке, которую его высочество изволило протянуть, и поцеловал перстень с печатью, оттиск которой я узнал на том письме, что свирепый ветер вырвал у меня из рук и унес в море, бушевавшее вокруг обнаженного, скалистого и пустынного острова Кордика.

ЗНАК КЛЮЧА И КРЕСТА

По мере того, как я знакомился с улицам города, мне вспоминалась одна из историй, рассказанных когда-то маркизом д'Амеркером. Не называя того места, где случилось это приключение он описал его так подробно, что сегодня я узнавал его, по мере того, как передо мною вставал этот старый город, благородный и монастырский, разрушающийся в ограде своих развалившихся укреплений, на берегу желтоватой реки, супротив обнаженных гор на горизонте, город с тенистыми и залитыми солнцем улицами, с древними замкнутыми особняками, с церквями, с переменным звоном многочисленных монастырей.

Я нашел его точно таким, каким он описал мне его, этот город: нагромождением старых камней, мрачным и сияющим, застылым в пыльном окостенении от зноя и одиночества и своими еще сохранными памятниками являвшим скелет былого величия. Он опустел понемногу, потерял свои пригороды, ссохся в своих стенах, которые не мог больше наполнить. В середине громоздились дома сплошной глыбой, еще огромной; дальше были разбросаны только развалины жилищ, и все было погружено в оцепенелую грезу, лишь изредка прерываемую жужжанием шмеля или перезвоном колоколов.

Улицы, мощенные плоскими камнями или убитые булыжником, странно пересекались, чтобы закончиться квадратными площадями. Там были рынки. Окрестные стада сходились на них и расходились, разрозненные случайностями торга. Ярмарки и церковные службы составляли поочередно единственное занятие жителей. Город остался деревенским и набожным. Быстрый топот овец стучал по мостовой, и гулко звучали сандалии монахов. Пастухи и паства смешивались. Затхлый дух руна сливался с запахом власяниц. Воздух пахнул ладаном и крепким потом. Стриженные овцы и бритые тонзуры, пастухи и священники...

Я пришел на развилку двух дорог. Здесь струя воды стекала в источенный временем водоем. Я вспомнил этот родник. Г-н д'Амеркер хвалил свежесть его воды. Улица направо должна была вести к ограде Черных Отцов. Я направился по ней. Излучины ее вели в самое сердце города. Несколько бедных лавок раскрывали свои лотки. Четки висели рядом с плетеными кнутами. Вдруг улица расширилась. Ее преграждал высокий фасад старого особняка. Я уже видел такие же в разных местах, но этот бросался в глаза своей необычностью.

Он подымался на цоколе очень старой кладки. Окна — высоко над землей под решетками. Должно быть, воспользовались фундаментами какого-то древнего жилища, и над ним теперешнее здание, надстроенное, вздымало свою строгую архитектуру. За углом отеля улица круто поворачивала и спускалась кривыми и крутыми лестницами. Спуск огибал Заднюю часть здания и обнажал устои — бывшие стены старого укрепленного замка, гладкий каменный круп которого покоился на материке скалы.

Я узнал отель Гертелер.

Улица кончилась, показали деревья; большая аллея тополей продолжала ее. Старые каменные гробницы, пустые стояли рядами в высокой траве, где шаги протоптали узкую тропинку. Направо тянулась стена, и в ней была низкая дверь. Я вздрогнул, увидав ее. Она вела в лечебный сад Отцов, монастырь которых выглядывал из глубины аллеи своим порталом. Прежде чем продолжать путь, я приблизился к маленькой двери в стене. Она была массивна и обита гвоздями. Замочная скважина имела форму сердца. Подойдя к воротам, я позвонил; привратник ввел меня в монастырь. Громадные коридоры вели в обширные залы. Мы поднялись по лестницам; брат-сторож приподымал рясу. Мы не встретили никого. Часовня, в которую я не вошел, гудела монотонным пением псалмов. Мне показали несколько дворов с аркадами. Один из них был очарователен — квадратный, полный цветов, населенный голубями; они сидели по карнизам, как живой тяжелый фриз.

Оттуда была видна колокольня церкви. Часы на ней как раз били время. Большой желтый подсолнечник глядел в темную воду колодца и отражал в глубине его свой лик золотого потира.

Ничто не изменилось с того дня, как маркиз д'Амеркер посетил старый город. Неизменность внешнего вида подтверждала, что и обычаи сохранились те же. Щелканье бичей сливалось еще с дребезжанием серебряных колокольчиков, и монастырские колокола перекликались своими звонами, как в то время, когда маркиз д'Амеркер с посохом в руке, с босыми ногами в сандалиях, в монашеской рясе постучался в двери монастыря. Он спросил приора, которым был в то время Дом-Рикар. Мне показали его увенчанную митрой могилу посреди окружавших ее безыменных усыпальниц. Он сохранял могущественные связи в миру, от которого удалился, протягивая туда руку за милостыней и предоставляя ее взамен, по мере надобности, для деликатных посредничеств, за которыми обращались к его благоразумию и мудрости. Маркиз д'Амеркер объяснил ему свой костюм, причины своего прибытия и подробности возложенного на него поручения.

После двадцати лет службы на высших военных постах, один местный дворянин, г-н де Гертелер, вернулся сюда, чтобы поселиться совсем. Немного спустя, он женился на мадемуазель де Каллисти. Она была бедная девушка, хорошего рода, очень красивая, Супруги жили в отеле Гертелер. Городская знать бывала у них, и самым частым посетителем был г-н д'Эглиоль. Он приходился родственником г-ну Гертелеру, который был в молодости его начальником и очень его любил. Образ жизни в отеле Гертелер был весьма прост. Никакой роскоши, очень мало прислуги; но жизнь там получала торжественность от высоты зал, от широты лестниц, от всей анахронической пышности старого дома.

От скуки ли пребывания в этом скудном обветшавшем городе после суеты шумной службы, благодаря ли внезапно воскресшей любви к приключениям, но через шесть лет, в один прекрасный день, г-н де Гертелер и д'Эглиоль исчезли, и никто не мог узнать куда. Проходило время. Розыски не привели ни к чему. Угадывалась какая-то тайна. Г-жа де Гертелер плакала. Ходили странные слухи, и шум мало-помалу достиг двора, где еще помнили этих лиц.

Однажды разговор об этом двойном исчезновении зашел при г-не д'Амеркере, который объявил, что сможет разгадать загадку. Ему предоставили полную свободу действий, и он уехал.

Первой его заботой было надеть монашеское платье, чтобы этой одеждой обеспечить себе возможность проникать всюду, и в щели двери, и через трещины совести, и Дон Рикар облегчил ему все способы этого расследования. Первые розыски остались безрезультатными. Облегчаемые таинственностью его костюма и видимостью его положения, они были терпеливы и разнообразны. Он изучал окрестности отеля Гертелера, разведал о привычках и ощупал жизнь его обитателей. Он вслушивался в еще животрепещущие слухи о событии. Все было напрасно. Он пожелал видеть г-жу де Гертелер. Ему ответили, что она больна, и он не смог преодолеть затворов, которыми она оградилась. Каждый день проходил он мимо отеля. Он шел по улице, которая подымается вдоль фундаментов, и останавливался против фасада. Очень часто он доходил до этого фонтана, о котором мне рассказывал. Холодная вода освежала его рот; на возвратном пути, спускаясь по ступеням он рассматривал огромное здание из камня и скалы. Он хотел бы припасть к нему ухом и подслушать его тайну; ему казалось, что во чреве старого дома живет призрак загадки, уже близкой к забвению, ради которой он пришел чтобы потревожить ее молчание. Наконец, потерпев неудачу, он уже готов был отказаться от предприятия. Он распрощался бы с Дон Рикаром, если бы не настояния старика, который удерживал его при себе. Старый монах наслаждался обществом этой овцы, столь не похожей на стадо которое направлял его деревянный жезл по однообразным тропам уставов.

Однажды, около пяти часов после полудня, маркиз д'Амеркер, выйдя через старые ворота, шел между высоких трав аллеи. Время дня было грустно и величаво; деревья преграждали тенью погребальную аллею, ящерицы бегали по теплым камням древних могил и скользили в их трещинах. Одной рукой маркиз д'Амеркер отрясал свое длинное монашеское одеяние, а другой держал ключ, чтобы отпереть имеющий форму сердца замок лечебного сада, в котором он любил прогуливаться. Он хотел взглянуть на него еще раз до своего отъезда еще раз подслушать, как будет скрипеть подошва его сандалий по гравию аллеи, снова почувствовать, как ряса задевает

о шпалеры из бруска. Симметричность цветников ему нравилась; на их квадратах росли нежные травы и редкие цветы; в маленьких бассейнах цвели водяные растения. Они погружали в воду свои корни и распускались, отражаясь в ней. На скрещении аллеи, в фаянсовых вазах, расписанных эмблемами и фармацевтическими девизами со змеями по бокам, произрастали ценные разновидности. Через стену были видны верхушки тополей; в соседних огородах отделенных высокими зелеными трельяжами, слышен был шорох граблей, удар кирки о лейку, легкий треск садовых ножниц, срезающих побеги; здесь же все было погружено в молчание; цветок гибко склонялся под тяжестью насекомого; реяли ласточки; стрекозы задевали зеленоватую воду; мясистые змееподобные травы сплетались и расплетались в виде кадучеев.

Маркиз д'Амеркер направлялся к двери этого странного замкнутого садика, когда увидел, что из глубины аллеи к нему идет женщина, одетая в черное; она шла медленно, как бы ошупью. Он внутренне постиг каким-то внезапным ясновидением, что эта высокая и мрачная фигура не может быть никем, кроме г-жи де Гертелер. Он замедлил шаг, таким образом, чтобы встретиться с ней в тот момент, когда она остановится перед низкой дверью. Дойдя до двери, он вложил ключ в замок. Звук заставил вздрогнуть одинокую спутницу. Она колебалась. Он нагнулся, как бы стараясь отпереть. Она хотела воспользоваться мгновением и пройти мимо, но вдруг очутилась лицом к лицу с ним, так как он резко полуобернулся. Он увидел бледное и красивое лицо, изможденное бессонницами и страданием, взволнованные глаза, полураскрытый рот и руку на задыхающейся груди. Тогда он быстро вошел, оставив в прикрытой двери, в железном сердце замка, ключ.

На следующий день, когда он мечтал на маленьком дворике с аркадами, его известили, что женщина под вуалью хочет с ним говорить. Она пришла. Он узнал г-жу де Гертелер и усадил ее на каменную скамью. Голуби тихо ворковали по капителям пустынных галерей; воркование их смешивалось со вздохами, вздымавшими грудь кающейся; он осенил ее, коленопреклоненную, широким крестным знаменем и, склонив голову, руки спрятав в рукава, слушал скорбную исповедь.

Это была страшная и трагическая история. Зачем было рассказывать ее? Но тайна казалась ей разоблаченной. Этот монах, отмыкающий ключом замок в форме сердца, показался ей насильственно растворяющим путь к ее совести. Она увидела в этой встрече указание судьбы и в жесте — таинственный намек, а также и символ, ниспосланный освободить ее душу, заточенную в ужасе молчания.

Брак ее с г-ном де Гертелер не был браком в любви. Она уважала его, но боялась его гордого характера, суровость которого пугала доверчивость и приводила в отчаяние ее нежность. Минули годы. Одной зимой г-н д'Эглиоль появился в их доме и вошел в ее интимную жизнь. Он был красив и еще молод. Она отдалась ему: это были дни радости и ужаса, прожитые в страхе быть открытыми и в томлении угрызений совести. Г-н Гертелер не замечал ничего. Как и обыкновенно, он часто бывал в отсутствии; он только постарел, и широкая морщина привилась еще к тем, что уже бороздили его лоб.

Однажды вечером г-жа де Гертелер удалилась в свою комнату около полуночи. Она чувствовала себя печальной. Г-н д'Эглиоль не появлялся в течение суток, а он никогда не пропускал ни одного дня. Г-н де Гертелер уехал верхом с утра, несмотря на то, что шел дождь. В то время, когда она причесывала волосы перед зеркалом, она увидела, как дверь отворилась, и вошел ее муж. Он был в высоких сапогах, но на них не было никаких следов грязи; платье его казалось пыльным, длинная паутина свисала с его локтя, и он держал в руке ключ. Ничего не говоря, он направился прямо к стене комнаты, где на гвозде висело распятие из слоновой кости, сорвал его, разбил о пол и на место его повесил тяжелый заржавленный ключ. Лицо его было гневно и бледно. Г-жа де Гертелер застыла на одно мгновение, не понимая; после, вдруг, поднеся руки к сердцу, вскрикнула и упала навзничь.

Когда она пришла в себя, страшное событие стало ей понятно. Ее муж заманил г-на д'Эглиоль в какую-нибудь западню. Старое обиталище, построенное на фундаменте крепости,

таило в своих глубинах невидимые убежища и вечные тайники. Крик, ее собственный крик, звенел еще в ее ушах, но он казалось, шел снизу, заглушенный горами камня, пронзая своды, высившиеся один над другим, доходя до нее из тех уст, от которых навсегда отделила ее толща стен. Она хотела выйти. Дверь не поддавалась. Затворы замыкали окно: слуги жили далеко.

На другой день г-н де Гертелер принес ей пищу. Каждый день он возвращался. Паутина все висела на рукаве его пыльной одежды, сапоги стучали по плитам, большая морщина на лбу врезывалась в бледность пыток и бессонниц. Каждый раз он выходил молча и на слезы и на мольбы отвечал лишь кратким жестом, указывая на ключ, висевший на стене.

На другой день г-н де Гертелер принес ей пищу. Каждый день он возвращался. Паутина все висела на рукаве его пыльной одежды, сапоги стучали по плитам, большая морщина на лбу врезывалась в бледность пыток и бессонниц. Каждый раз он выходил молча и на слезы и на мольбы отвечал лишь кратким жестом, указывая на ключ, висевший на стене.

То были трагические дни, которые несчастная прожила, устремляя глаза на ужасное *ex voto*, которое все росло и становилось огромным. Ржавчина казалась ей красной от крови. Она чувствовала, как кровь сочилась в уединении ее отчаяния. Дом будто вымер. Вечером слышались шаги, и г-н де Гертелер вошел еще раз, неся лампу и корзину. Волосы его поседел, он даже поглядел на несчастную, которая ползала у него в ногах, но не переставал с жадностью созерцать грозный ключ.

Тогда г-жа де Гертелер поняла алчное желание, снедавшее ее мужа, жгучую жажду, томившую его: увидеть труп своего соперника, убедиться в своей мести, ощупать ту гниль, которою стала плоть возлюбленного; словом — взять ключ, что он пригвоздил к стене, заменив знак прощения, образ которого из слоновой кости он разбил, знаком вечного злопамятства, который он повесил, как незыблемую бронзовую эмблему. Но увы, мщение неутолимо; оно навсегда остается желанием; в нем и жестокость, и муки; оно постоянно возвращается к той же тревоге, до самого конца жизни, до самого дна памяти.

Г-н де Гертелер почувствовал, что разгаданы его одинокие пытки, и страдал еще больше. На черном мраморе его гордости были кровавые борозды.

Однажды ночью, когда г-жа де Гертелер дремала, лежа на кровати, она услышала, что дверь тихо растворяется, и своего мужа на пороге. Он держал в руке притушенную лампу и шел тихо, как тень, так что плиты не звенели, как будто мрачный лунатизм его неотступной мысли сделал из него невесомый, призрак; он пересек комнату, поднялся на цыпочки, взял ключ и вышел. Наступила мертвая тишина. Муха, пробужденная светом, зажужжала и смолкла. Замок не щелкнул. Неизъяснимый толчок поставил на ноги г-жу де Гертелер. Босая скользнула она в коридор; ее муж спускался по лестнице; она последовала за ним. Из нижнего этажа он продолжал спускаться; ступени углублялись в темноту. Она слышала в глубине подземных коридоров шаги, которые шли впереди нее. Они были в древних подвалах старого отеля. Стены сочились сыростью. Они проходили под круглыми сводами. Последняя лестница врезала свою спираль в скалу. В глубине на влажной стене еще мерцал отсвет маленькой лампы, которой не было видно. Наклонившись, г-жа де Гертелер слушала. Какой-то скрежет долетел до нее, и свет погас. Внизу открывалась круглая комната. Полуоткрытая часть стены прикрывала узкий проход. Она прошла еще дальше. В конце, ощупью, она угадала незаметно приоткрытую дверь. Она раскрыла ее. Г-н де Гертелер сидел на земле около своей маленькой лампы в какой-то квадратной дыре, мощеной плитам и крытой сводом; он смотрел и был недвижим с широко раскрытыми глазами. Он глядел на нее и не видел. Тошный смрад шел из подземелья; на камне, вне пределов тени, лежала уже позеленевшая высохшая рука. Госпожа де Гертелер не вскрикнула.

Разбудить ли ей этого несчастного лунатика, которого яростный сон привел в трагический подвал? Наложить ли ей на его гордость еще наказание этой неожиданности? Нет! Месть за позор была справедлива. Зачем показывать ему его унижение. Она почувствовала жалость к его блуждающим глазам, которые глядели на нее, ее не различая, к его лицу, со следами пыток, к его волосам, побелевшим от молчаливых страданий, и поняла, что для того, чтобы спасти эту

боль, от него надо скрыть тайну его ночного падения и дать ему с миром утолить свою страстную жажду в вечном молчании могилы, так чтобы он никогда не узнал, чья невидимая рука замуравила его лицом к лицу с его кошунством.

Г-н де Гертелер все смотрел на нее. Очень спокойно опустилась она на колени, поцеловала зеленоватую ладонь, которая раскрывала на камне свои высохшие пальцы, и, притворив дверь снаружи, ощупью вышла и нажала пружину стены, которая закрывала проход. Она поднялась по спирали лестницы, по подземным ступеням, по лестницам этажей и на ржавый гвоздь в своей комнате повесила трагический ключ, который покачался одно мгновение и остановился неподвижно, отмечая час вечный.

Голуби пролетали и вновь возвращались порхая под аркадами маленького двора. В одно и то же время пробили часы на колокольнях города. Несчастливая женщина, рыдая, протянула маркизу д'Амеркеру большой ключ и уронила к его ногам. Он поднял его. Ключ был тяжел. Ржавчина его казалась красноватой. Г-жа де Гертелер, коленопреклоненная, умоляла жестами, в беспомощности, с судорожно сжатыми руками, видя, что он удаляется от нее. Маркиз д'Амеркер спустился к другому дворику, находившемуся ниже и благоухавшему в самой середине монастыря. Цветы там растекались между буксов равной высоты в партерах. Большие розы гирляндами обвивали колодезь с каменной окраиной. Они царапали шипами платье монаха, нагнувшегося над ним; вода брызнула. Высокий золотой подсолнечник склонял свой потир с медом. Голубка тихо ворковала, и маркиз д'Амеркер, возвратясь к кающейся, все еще лежавшей ниц, прошептал ей на ухо слова отпущения, которые если и не разрешали ничего на небе, зато хотя на земле давали горестной душе мир.

ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ ДОМ

Дом, который я построил для мадам де Серанс, был обширен и великолепен. Благороднейшие каменоломни доставили для него камень и мрамор; дерево было привезено из самых прекрасных лесов. Архитектор, лысый старик, действовал согласно старинным правилам. Со знанием зодчего он соединял искусство планировать сады. Он умел расположить в них бассейны, и бьющие фонтаны. Он умел разбить боскеты, запутать лабиринты, завершить конек крыши самыми прихотливыми флюгерами.

После выбора местоположения и композиции перспектив, он простер свое искусство и на внутренние детали. За внешностью фасадов он распределил все скрытое в комнатах: люстры, свисающие с потолков, как сталактиты диких гротов, ковры мягкие, как газоны, стенные талеры — узорные, как цветники, зеркала — чистые как водоемы.

Весь день его видели озабоченным, перепрыгивающим через рвы, взбирающимся на леса, под дождем и под солнцем, вслед за садовниками или каменщиками. Удары кирки сливались со стуком молотков; оструганные балки лежали поперек тесанных камней. Вытянутые и дрожащие корни больших и ветвистых деревьев погружались в новую землю, чтобы в ней ожить. На быках провозили статуи, и каждый вечер, когда заходило солнце, тень дома увеличивалась работой дня.

Старик распоряжался всем: кладкой камней; укреплением деревянных обшивок, посыпанием аллей песком и уравниванием воды в бассейнах, стрижкой кустов и узорными решетками, неутомимый, с компасом в руке, с развернутыми планами, счастливый тем, что он мог еще раз создать произведение архитектуры, страстно им любимой, бывшая мода на которую уже проходила и чья изысканная симметрия уступала место импровизациям вольного вкуса. Его мания в согласии с моим желанием торопила работы, которые надо было закончить к условленному сроку.

В этот день, заранее назначенный, всем надлежало быть готовым: цветы должны были благоухать в партерах между буксами аллей и пирамидами остролистника, обелиски из тиса — стоять на средних площадках, и статуи — улыбаться своими мраморными лицами опираясь

голыми ногами на пьедесталы, овитые гирляндами, и воды — готовыми кинуть в воздух свои ракеты, распушить свои снопы, переполнить водоемы, напоить весь сад нежным журчанием. Все ключи должны были находиться в дверных замках, все украшения — на стенах, каждая вещь — на своем месте, со всею законченностью деталей, — с винами и фруктами, поданными на стол, и повсюду — много прекрасных зеркал, — так мне хотелось, чтобы отразить божественную улыбку, ночные волосы и грациозную поступь несравненной мадам де Серанс, таинственная красота которой должна была заглянуть в них только один раз и навсегда.

Никогда не было более сияющего утра. С рассвета грабли сгладили аллеи, лейки ожемчужили освеженные цветы. Воздух был мягкий, чистый и легкий. Это ясное утро конца лета предвещало лучезарный день. Теплое солнце ласкало статуи и смягчало их мрамор; бассейны сверкали; ни один листок не должен был упасть, ни одна роза — облететь; были оставлены только самые сильные, и мощная их зрелость обеспечивала им долгую свежесть.

В полдень я приблизился к решетке, чтобы принять мадам де Серанс. Она вышла из кареты, и я поцеловал её руку. Я поблагодарил ее за приезд и напомнил обещание. Она тихо улыбалась. Наступило мгновение молчания, и она протянула мне три розы, которые держала в руке по своему обыкновению. Я взял их и, поклонившись, удалился от нее и от великолепного дома. Три раза оборачивался я, целуя каждый из трех цветков, и каждый раз видел, что она смотрит на меня.

Мадам де Серанс шла одна по аллее. Большие деревья сопровождали ее одно за другим, молча; в конце раскрывалась перспектива садов. Они были, в самом деле, удивительны. Купы листвы простирали свежую тень. Три флейтиста перекликались из глубины, спрятанные в запутанной раковине лабиринта; журчащие воды украшали молчание этого уединения, но одни только статуи улыбнулись прекрасной посетительнице.

Фронтон дома упирался на порфиновые колонны.

Мадам де Серанс вступила в прохладные сени. Комнаты открылись одна за другой для молчаливой ее прогулки. Между ними были и простые, и другие — пышные, маленькие и большие, созданные для любви, для сна или грез, для радостных раздумий и для склоненной грусти.

Мадам де Серанс провела весь день в великолепном доме. Сзади крыльцо спускается в палисадник. Здесь — только одна дорожка вокруг зеленого газона, на котором дремлет квадратный водоем. В нем отражаются два маленьких сфинкса из обожженной глины. По углам большие завитые сосуды из хрусталя придают выющим розам, цветущим в них, сходство со странными водяными цветами, вырастающими из прозрачных чаш. Вечер наступает здесь упоительно; вечер наступил.

В высокой столовой был сервирован ужин из отборных мяс, сладостей и фруктов. Оттуда, оставив на персике отпечаток своих улыбающихся зубов, мадам де Серанс должна была подняться в спальню. Все зеркала увидели ее, и одно из них отразило ее обнаженной и сохранило навсегда в своем хрустале невидимый образ той, которая поставила на карту и проиграла мне свою тень.

В те времена я был игроком и счастливым игроком. Согласно старому суеверию, я замыкал мое золото в кошельке из кожи летучей мыши. Я не столько верил в действительную силу этой странной приметы, сколько был пленен ее необычностью. Мне нравилось дополнять мой характер некоторыми причудливыми черточками для того, чтобы сделать его интересным как для других, так и для себя самого.

И вот каждый вечер я оказывался в игорном доме или в ином месте, где играли. И тайная, и открытая игра были одинаково в ходу; картежные притоны были переполнены, потому что увлечение костями и картами, доходившее до неистовства, привлекало к зеленым столам самое блестящее общество. Волосатые пальцы мужчин судорожно сжимались на столах рядом с нежно-сверкающими руками женщин. Ожидание вызывало трепет на очаровательных устах и слюну на ртах отвратительных; проигрыш выражался и грациозными гримасками и

нахмуренными губами. Золото звенело, и в промежутках молчания слышны были стук бросаемых костей и полет карт, беглый и вещей.

Золото выигрышей просачивалось в соседние жизни, где проигрыш точил трещины. Возникали продажности, внезапные и угрюмые, одни неожиданные, другие подстерегаемые. Рушились подточенные и треснувшие души и рассыпались в прах. Золото переходило из рук в руки для утоления желаний. Создавался рынок, аукцион и торг. Каждый искал, что ему продать или кого купить. Некоторые имели прибыль на посредничестве, многие спекулировали на нужде, все плутовали на качестве. Каждая страсть могла удовлетвориться, только бы случай ей благоприятствовал.

Нарумяненные и томные юноши, мужественные и наступательные женщины торговали своими извращенными ласками. Скачки богатства, его суетность и неожиданность придавали каждой прихоти торопливую поспешность. Самые счастливые утомлялись счастьем, благодаря однообразию его длительности. Фантазии ожесточились; возникли — чудовищные. Из-за какого-то нелепого соревнования старались превзойти один другого в распутствах и удовольствии, от них получаемое, было меньше, чем тщеславие их совершить. Это была эпоха крайнего разгула и порочной изобретательности; я тоже участвовал во всем, и примеры, которые я делал, остались славными. Если мы не встретили рассвета за свечами, истаявшими во время игры, то заря заставляла нас за вином и любовью. Тогда мы убеждались в обмане нашего двойного опьянения. Оно томило нас усталыми телами и распутившимися волосами, трупами призраков, которые нас обольстили. Мы расходились с тоскою.

Каждый вечер, каковы бы ни были приключения дня или труды ночи, приводил меня, вопреки себе самому, к игорным столам. Среди многочисленных игроков, сменявших один другого, поражала с самого моего приезда и в течение всего моего пребывания одна дама удивительной красоты. Она являла одновременно и упорство, и небрежность, садилась всегда на одно и то же место, вдыхая цветы букета, с которым не расставалась никогда.

Среди стольких игроков с переменной удачей лишь наше счастье оставалось неизменным, и это постоянство успеха указало нас друг другу. Около нас собирался круг, и маркиз д'Амеркер вызывал не меньше зависти, чем мадам де Серанс.

Однажды я очутился рядом с нею, и мы, заговорив о нашем двойном счастье, постоянство которого изумляло, решили скрестить, как противники, наши удачи и посмотреть, чья уступит. Решив это испытание, мы назначили время и место поединка.

Была прекрасная августовская ночь, когда я сел за стол против мадам де Серанс. Племя игроков шумело об этой дуэли. Уже заключались пари об исходе, прежде чем началась игра. Были поставлены крупные суммы. Каждый из наших жестов вызывал ответные удары и имел последствия... Многочисленные интересы зависели от искусства наших ходов и от случайности наших козырей.

Салон мадам де Серанс, где я был наедине с ней, — тремя окнами выходил в прекрасный сад, ароматы которого достигали до нас. Свечи сияли каждая очком света. Мадам де Серанс положила на стол букет роз; самая прекрасная из них висела на конце надломленного стебля, и лепестки ее опадали один за другим в течение этой патетической ночи. Тонкие руки партнерши стасовали гибкие карты. Игра началась. Я выиграл чудовищную ставку; она была удвоена; я выиграл снова, после еще, и еще, и еще... Золото поднялось столбиками. Остальное было представлено жетонами. Мадам де Серанс тихо улыбалась. Мы играли на драгоценности; ясный ее голос называл их одну за другой; бриллианты бросали снопы света; переливались рубины; стекали жемчужины капля за каплей. Она проигрывала: тогда мы начали ставить на карту поместья. Звучные и грациозные имена вызывали их по очереди: замки среди лесов в глубине дубовых аллей или сквозь завесу сосен, дома на речных берегах, рыжие поля пшеницы, коричневые пашни, зеленеющие луга, фермы с мычащими быками, голубятни, где воркуют голуби, пески, скалы, стога, пасеки... Мадам де Серанс не переставала улыбаться.

Молчание наступило между нами. Положив руку на стол, она поднялась в своем платье из зеленого муара. Пахли цветы в открытые окна; столбик золота рассыпался по ковру; свеча лизнула пламенем колпачок, и он треснул. Мы пристально взглянули друг на друга. Мадам де Серанс покраснела, как будто самое себя почувствовала последней ставкой. Жестом, заставившим ее вздрогнуть, я указал на стол, по которому рассыпал карты, что сжимал в пальцах. Раскрашенные их лица, казалось мне, гримасничали и улыбались. Бородатые короли пересмеивались с бритыми валетами. Алебарды одних перекрещивались мечами других. Дамы вдыхали запах пестрых тюльпанов. Я почувствовал, что сейчас буду говорить, но еще сам не знал, что скажу, и голос, в котором я узнал свой собственный, прошептал медленно, между тем как жестом я приглашал мадам де Серанс окончить прерванную партию: «Все, — сказал я, — ставлю все против вашей тени!..»

Так я играл и выиграл тень мадам де Серанс. Чтобы сохранить навсегда ее образ, я построил этот великолепный дом: одно из его зеркал сохраняет в своем хрустале невидимое отражение, которое двери его замкнули навсегда. Они не откроются для меня, и удивительная тайна станет, — когда разрушится дворец, хранящий ее, — вечным прахом, в который превращаются и существа, и вещи, их тени.